

АННА БЕННИНГ

ВИХРЬ

ДЕВУШКА, КОТОРАЯ ПРОРВАЛАСЬ
СКВОЗЬ ВРЕМЯ

РИПОЛ КЛАССИК

Анна Беннинг
Вихрь 2. Девушка, которая
прорвалась сквозь время
Серия «Вихри времени», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66845853
Вихрь 2. Девушка, которая прорвалась сквозь время:
ISBN 978-5-386-14366-4*

Аннотация

Элейн и Бэйл выпустили из зон множество мутантов, но кураториум не может позволить им разгуливать на свободе. Напряжение в мире растет. Грядет страшная война, и ни одна из сторон не готова отступить.

Глава кураториума Варус Хоторн отправляет в прошлое своих бегунов, чтобы те уничтожили Вихрь-прародитель, а вместе с ним и всех мутантов. Элейн и Бэйл бросаются в погоню, но каждый прыжок во времени все сильнее запутывает их планы. Влюбленные столкнутся со страшной правдой, которую они не в силах изменить.

Содержание

Часть 1	5
Уведомление об обновлении	5
Справочник штурманов	
1	6
2	17
3	30
4	37
5	48
6	67
7	83
8	97
9	106
10	118
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Анна Беннинг
Вихрь 2
Девушка, которая
прорвалась сквозь время

Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает все.
Фалес

Originally published as "Vortex – Das Mädchen, das die Zeit durchbrach"

© 2020 Fischer Kinder- und Jugendbuchverlag GmbH,
Frankfurt am Main

© Черепанова Н. Г., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Часть 1

Североамериканская территория

Уведомление об обновлении Справочникштурманов

Наблюдение и задержание

По всему миру сохраняется опасность террористических атак мутантов. Поэтому, согласно последним событиям, на оставшихся территориях предполагается усиление всех мер безопасности (см. пункт 4.1. *Районы, требующие защиты*). Все штурманы обязаны в любое время предоставлять вихревым бегунам обзор вверенных им участков границы. Любая попытка мутантов расположиться у стен города должна быть незамедлительно пресечена.

1

Неоновая вывеска замигала от энергии нашего вихря. Буквы вспыхнули и погасли пару раз, но затем надпись снова появилась целиком. Над металлической дверью изящными буквами было выведено: «The Merge¹». Изнутри раздавались низкие ровные басы.

– Что-то мне это не нравится, – пробормотала я и уныло посмотрела на Бэйла. Он повернулся ко мне:

– У тебя всегда плохое предчувствие, если это мой план.

– Неправда, – соврала я и прикусила губу.

Я сопротивлялась необходимости снова оглянуться и убедиться в том, что никто не видел момент нашего появления. Улицы были абсолютно безлюдными. Собственно, это не должно было меня удивлять, потому что мы несколько часов до полуночи провели на крыше высотки, осматривая окрестности.

И мы не заметили ни одного вихревого бегуна.

Совершенно точно.

Бэйл приблизился ко мне. На лице у него была та самая улыбка, которую я еще несколько недель назад просто ненавидела. Он склонился ко мне так, что наши губы разделяли лишь несколько миллиметров.

– Все будет хорошо, Барби. Или ты мне больше не дове-

¹ Слияние (*англ.*) – здесь и далее прим. пер.

ряешь?

– Доверие не имеет ничего общего с плохим планом.

– Это великолепный план, – произнес Бэйл, взял меня за руку и потянул ко входу. – Просто ты не хочешь этого признавать.

Я вздохнула.

– А что, если это все-таки ловушка?

Этот вопрос я задавала ему уже раз сто.

– Тогда мы сразу же уйдем оттуда, – заверил меня Бэйл. – Если будет хоть малейший признак того, что он не тот, за кого мы его принимаем, мы исчезнем.

Я чувствовала, что постепенно успокаиваюсь.

– Обещаешь?

Бэйл нежно улыбнулся мне.

– Обещаю.

Я вздохнула еще раз, и Бэйл потянул меня за собой к двери, ведущей в «The Merge».

Где-то глубоко внутри я понимала, что он прав: рано или поздно мы должны были рискнуть и выбраться из Санктума. Только таким образом у нас появлялся шанс воплотить в жизнь наш план. Но с другой стороны... Я знала, как сильно изменилась жизнь в оставшихся мегаполисах. Я знала, что в последние пару месяцев внешние стены тщательно охранялись, за каждым районом пристально наблюдали. И еще я знала, что кураториум приказал искать нас с Бэйлом в каждом уголке Земли.

Поэтому вернуться в Нью-Йорк Сити именно сейчас было абсолютным сумасшествием.

Но если речь шла о Бэлиене Треверсе, то сумасшествие превращалось для меня в норму.

Лестница за входной дверью вела вниз в темное помещение. Уже с первого взгляда я поняла: клуб был совсем не похож на то, каким я его представляла. И вообще это был скорее паб. Крохотный, непримечательный и довольно неопрятный паб. Ни за барной стойкой, ни за парой дешевых столиков из клееной древесины никто не сидел. Хотя басы, которые я слышала на улице, все еще откуда-то доносились до нас.

Хозяин – мужчина в теле, лысый и в фартуке – лишь мельком взглянул на нас. Мне стоило бы вздохнуть с облегчением оттого, что он нас не узнал, но во мне тут же зародилось сомнение: может быть, он просто сделал вид, что не узнал? Наши лица или, лучше сказать, розыскные листовки с нашими лицами были в городах повсюду – на огромных световых билбордах, в средствах массовой информации... Боже, они понатыкали наши голограммы на всех подъездных путях!

Но хозяин был заинтересован в нас примерно так же, как если бы мы были завсегдатаями его заведения, которые заглянули после работы, чтобы выпить свою ежедневную кружечку пива.

– Привет, Джон, – бросил Бэйл и направился в сторону двери, на которой виднелась фигурка в цилиндре и с тро-

сточкой в руке. Надпись на табличке гласила «Джентльмены».

– Мне... подождать? – озадаченно спросила я и остановилась.

Но Бэйл потащил меня за собой дальше:

– Нет. Пойдем со мной.

В итоге я последовала за ним в мужской туалет, который оказался... всего лишь мужским туалетом. Шесть кабинок, на стене напротив – старые раковины.

Бэйл подошел к последней кабинке, и я нерешительно последовала за ним. Когда я подошла к нему, он застучал по плитке, расположенной за сливным бачком. Через несколько секунд от стены слева от нас раздался шум.

Я вздрогнула. Часть стены начала со скрипом двигаться. Передвижной механизм! Бэйл нажал на плитку сначала в центре, а потом немного справа. За стеной показалась лестница, и вот тут басы и сопутствующая им музыка зазвучали на полную громкость.

Постепенно я поняла, что все это значило. Помещение наверху было всего лишь прикрытием. Этот старый, неопрятный паб – вовсе не «The Merge». Настоящий клуб находился здесь, внизу.

Бэйл усмехнулся, взглянув на меня, и указал на лестницу, ведущую вниз.

– А вот сейчас ты должна быть очень сильной.

– Не думаю, что меня еще хоть что-то может удивить.

Я уже на протяжении нескольких недель жила в тайном, нелегальном городе, в котором обитали в основном люди-мутанты. Не только грундеры, но и вирблеры, одна представительница швиммеров и даже один наполовину цюндер.

Что бы ни ожидало меня внизу, я была уверена, что оно едва ли сможет сбить меня с толку.

Бэйл пожал плечами и улыбнулся своей характерной улыбкой. Я сразу поняла, что он знает больше, чем я, и наслаждается этим состоянием.

– И не говори, что я тебя не предупреждал.

Чем ниже мы спускались по лестнице, тем громче звучала музыка. Электронные звуки пробивались сквозь басы – звуки, которых я еще ни разу не слышала. Они показались мне какими-то унылыми и немного угрожающими. Темноту на лестнице прорезали дикие краски. Это были мерцающие огни, проецируемые на стены в такт музыке. Красный, зеленый, синий и желтый – все вперемешку.

Постепенно я начала различать обстановку в клубе: обшитые черными панелями стены, черный пол, все такое блестящее, что отлично отражало яркие огни. Различные ниши для сидения, частично отделенные от остального зала голограммными занавесками, окружали танцпол, на котором под музыку, тесно прижавшись друг к другу, танцевала огромная толпа мутантов.

Дорогу нам перегородила крупная коренастая женщина. Судя по ее коротким рыжим волосам, узловатым ушам и

красным, как тлеющие угольки, глазам, это была женщина-цундер. А ее мускулистое телосложение говорило о том, что она служила здесь вышибалой.

Бэйл спокойно прошел мимо нее – женщина только хлопала его по плечу. Однако, когда я проследовала за ним, она скрестила на груди свои руки.

– Никаких бегунов в *Merge*, – рявкнула она и указала на мою униформу.

Там, где раньше располагался знак *Convectum* – символ кураториума, – сейчас находилась другая нашивка: молния на листе, знак «Зеленого трепета», мирных повстанцев Санктума. Но, кажется, женщину это несколько не успокоило.

– Она больше не бегун, – произнес Бэйл и снова взял меня за руку. – И она здесь со мной.

Вышибала обернулась и внимательно посмотрела на Бэйла. А затем нехотя уступила мне дорогу.

– Тогда позаботься о том, чтобы она всегда была рядом, Бэлиен, – рявкнула цундер. – Если она будет ходить здесь одна, то найдет неприятности.

Я сглотнула, а Бэйл потянул меня за собой внутрь клуба.

Ну конечно, женщина-цундер доверяла Бэйлу. Для мутантов он был героем; тем, кто ушел из кураториума и освободил из зон многих из них.

А я... большинство мутантов знало меня только по тому дню, когда кураториум объявил меня вихревым бегуном.

– Надеть униформу было не очень хорошей идеей, – про-

бормотала я, поймав на себе первые взгляды окружающих.

– Мы идем в клуб, полный мутантов, которые тебя не знают, – произнес Бэйл. – И мне неважно, принимают ли они тебя за вихревого бегуна или нет. Если возникнут какие-то вопросы, эта униформа может спасти тебе жизнь.

Я оглянулась. Это... это определенно был клуб только для мутантов. За длинной барной стойкой, где был занят каждый стул, бармен-грундер с помощью своих рук-корней жонглировал стаканами, шейкером и другими емкостями. Побеги, вырастающие из его пальцев, без труда ловили предметы, снова подбрасывали их в воздух и одновременно перемещивали бесчисленные напитки.

Движения вирблеров, плясавших с остальными мутантами на танцполе, сопровождались легкими дуновениями ветра. Из-за этого их одежда и волосы ритмично развевались в разные стороны – впрочем, как и у тех, кто танцевал рядом.

Я увидела и несколько цюндеров. Многие из них расположились у барной стойки или на краю танцпола. Их рыжие волосы можно было распознать даже в тусклом свете, и, глядя на них, я задавалась вопросом, сколько пройдет времени, пока они не узнают нашу униформу и не подожгут весь клуб.

Бэйл потянул меня мимо танцпола, за угол, дальше в клуб. Тут же мое внимание привлекла стена слева от нас. Сначала я подумала, что поверхность просто осветилась синим цветом, но сейчас я поняла, что вся стена представляла собой огромный аквариум. Вода в нем была чистой и переливалась

цветом лазеров и прожекторов.

В аквариуме, однако, не было никаких рыб или растений, и только когда изнутри к стенке прижались две ладони, я поняла, для чего здесь была эта емкость.

Каждые пару метров в воде двигались швиммеры. Они покачивались туда-сюда в такт музыке. При этом части их тел то и дело исчезали в воде, словно их бледная кожа была прозрачной и впитывала в себя воду, прежде чем та улетучивалась в виде легких пузырьков.

Меня словно загипнотизировали. Кураториум, конечно, показывал нам фотографии и видео швиммеров под водой, но я еще ни разу не видела ни одного швиммера в его стихии собственными глазами.

В «The Merge» швиммеры были кем-то вроде танцоров. Они были одеты в шортики и топы из скользкой тонкой ткани, которая двигалась вместе с водой.

– Хм, – промычала я. Прямо передо мной возник швиммер. Он многозначительно улыбнулся, элегантно повернулся вокруг своей оси и заметно качнул бедрами.

– Так что это за клуб, говоришь? – Я попыталась перекричать музыку.

– Такой, что спрятан так хорошо, что кураториум никогда его не найдет, – ответил Бэйл и проследил за моим взглядом, который застыл на легко одетом швиммере.

– Если хочешь дать ему чаевые, то там сзади есть консоль, к которой можно подсоединиться и...

– Очень смешно, – произнесла я и мрачно взглянула на Бэйла, что, конечно же, заставило его ухмыльнуться еще шире.

Так вот что он имел в виду сегодня утром, когда говорил о том, что «The Merge» был клубом для мутантов, которые хотели отвлечься от постоянного бегства.

– А как швиммеры отсюда выбираются? – поинтересовалась я. Насколько я знала, они не могли долго оставаться на воздухе.

– Эти емкости связаны с Гудзоном, – ответил Бэйл и потянул меня за руку вдоль аквариума.

С рекой Гудзон? С ума сойти! Кураториум установил наблюдение за рекой до самой последней впадины. И даже если бы швиммеры нашли там местечко, где чувствовали бы себя в безопасности, что за жизнь им пришлось бы вести там внизу?

– Подожди здесь, хорошо? – сказал Бэйл, когда мы подошли к одной из ниш. – Мне нужно кое-что урегулировать.

Одна часть меня просила: «Не оставляй меня одну». Но я тут же проглотила эти слова. Не буду же я пугаться обнаженных тел и танцующих в аквариуме сплитов.

Не сплитов, тут же одернула я сама себя. Мутантов.

Потому что люди, которые тогда, в две тысячи двадцатом году, во время Великого смешения, перемешались с природными элементами – воздухом, водой, огнем и землей, – не стали сплитами или полуплюдьми – сейчас я это точно знала.

Сплиты. Это было ругательным словом. И я уже отвыкла его использовать.

Я посмотрела в сторону Бэйла. Он пробрался к барной стойке и уже разговаривал с барменом. Я присела на край скамьи, откуда могла наблюдать за танцующими.

Все мутанты по возрасту и телосложению были похожи друг на друга. Они были относительно молоды, спортивны и не очень похожи на мутантов. Можно даже сказать, что они больше походили на людей. И я быстро поняла почему: если бы они были старше и немогуще, не в такой хорошей форме и меньше походили на людей, они никогда не справились бы с жизнью в Нью-Йорке. Их давно бы поймали бегуны кураториума.

С тех пор как Бэйл и я два месяца назад открыли бóльшую часть зон, в которых десятки лет содержались мутанты, мегаполисы стали охранять еще надежней. Чтобы добраться до города, нам пришлось несколько дней ехать на транспортном поезде, потому что даже с помощью точно управляемого вихря пробраться в Нью-Йорк было невозможно. Кураториум полностью закрыл внешние границы города и превратил их в крепость. В других мегаполисах все было точно так же, за исключением Токио и Мехико. Токио, несмотря на указание кураториума, несколько дней назад открыл свои ворота для мутантов. А Мехико-Сити сразу после открытия зон был взят повстанцами-цундерами из «Красной бури» и считался потерянной территорией.

Новость о падении первого мегаполиса потрясла мир словно землетрясение. Она повергла людей в страх и ужас. А мутанты, несмотря на опасность, двинулись к стенам оставшихся городов. Они толпами собирались перед воротами в надежде, что те вскоре откроются.

Весь мир затаил дыхание, словно все только и ждали следующего шага соперника.

И именно поэтому план, который задумал Бэйл, обязан был увенчаться успехом— каким бы рискованным он мне ни казался.

2

Увидев возвращающегося Бэйла, я почувствовала облегчение.

– Ну и? – спросила я.

Он продемонстрировал мне небольшую карточку с чипом черного цвета, на которой блестящими красными буквами было написано: «КРАСНАЯ КОМНАТА».

– У нас есть комната. Там мы и подождем.

У меня не осталось выбора. Я снова вздохнула:

– Это совсем...

– Это *не* плохой план. – Бэйл закатил глаза и потянул меня за руку дальше.

Но все оказалось так, как я и ожидала. Это был самый ужасный, самый легкомысленный план, который только можно было придумать. Предполагалось, что мы встретимся в клубе с штурманом из кураториума. С одним из тех, кто уже на протяжении нескольких недель ищет нас по всему миру.

Он возник из ниоткуда и предложил встретиться. И Бэйл принял его предложение быстрее, чем я успела произнести слово «засада».

– И как же он попадет сюда? – поинтересовалась я, следуя за Бэйлом. – Если уж *мы* едва смогли уговорить вышибалу, то...

– Я предупредил, что он придет, – сказал Бэйл.

Ну конечно, он предупредил.

Мимо нас пронеслись два вирблера. Они проложили себе дорогу от танцпола сквозь толпу и, слившись в яростном поцелуе, исчезли за дверью, на которой желтыми буквами было написано: «ЖЕЛТАЯ КОМНАТА».

– Пойдем, – сказал Бэйл и указал на дверь недалеко от нас. Он провел карточкой по считывателю около двери, открыл ее и вошел внутрь. Проскользнув вслед за Бэйлом, я тут же закрыла дверь. Затем медленно повернулась и почувствовала, как запылала мои щеки.

Нетрудно было догадаться, для каких целей была задумана эта комната. В ней было достаточно места для кровати с металлическим каркасом сложной формы. Все было выдержано в красных тонах: атласные простыни, обтянутое бархатом кресло. На сервировочных столиках, тоже металлических, стояли десятки свечей. На стенах виднелись проекции мерцающих огней. С металлического каркаса кровати свисали железные наручники.

– Это, кажется, люкс для цюндеров. – Бэйл почесал затылок. Я могла поклясться, что он даже немного покраснел, но, вполне возможно, это было всего лишь из-за освещения. – Не могу поверить, что ты выбрал это место для встречи, – пробормотала я и решила ни к чему, совсем ни к чему не прикасаться.

Бэйл вздохнул:

– Здесь надежно и... мы же не останемся здесь надолго. Кроме того, я уже десятки раз ночевал в подобных помещениях, когда мне нужно было скрыться. Здесь все убирают, и на самом деле это место чаще всего используется только для сна.

– Чаще всего, – повторила я и подняла брови.

Бэйл насмешливо фыркнул:

– Не переживай, Барби. Я буду хранить твою добродетель.

– Ха, ха. – Я скорчила гримасу, пытаясь одновременно бороться с пылающими щеками. Судя по усмешке Бэйла, мне это не особенно хорошо удавалось.

– Если только ты сама не захочешь, – добавил он и крепко прижал меня за талию к себе. Мерцание искусственных огней окутало его теплым светом, и я заставила себя сохранить серьезное выражение лица, хотя далось мне это с большим трудом.

– Ну ты-то точно хотел бы, – выдавила я наконец, не пытаясь особо острить, но все же закрыла глаза, когда Бэйл наклонился и поцеловал меня.

В начале нашего знакомства я считала, что Бэйл – это самый невыносимый, заносчивый, самоуправный парень на всей земле.

Ну хорошо, невыносимым, заносчивым и самоуправным он оставался и по сей день, но... Сейчас мне все труднее удавалось отвести от него взгляд. Его голубые глаза были похожи на глубокие озера под замерзшим слоем льда. И в такие

моменты я чувствовала себя единственным человеком, способным пробить эту толщу льда и добраться до дна.

Проблема с Бэйлом состояла не только в том, что у него были классные скулы, классная прическа и классное тело. Привлекало меня не только это. Самым главным для меня было... его ухмылка, когда он на чем-то концентрировался. Или его едкие комментарии, которые заставляли меня смеяться чаще, чем следовало бы. Или то, как он часто грозил Атласу, что бросит его, если тот не начнет хорошо себя вести, но при этом с такой любовью его гладил, что всем становилось понятно – Бэйл говорил это несерьезно.

Проблема с Бэйлом состояла в другом: каждый раз, когда я думала, что уже привыкла к нему и выработала иммунитет к его шарму, ему достаточно было только улыбнуться мне и я теряла дар речи.

Я была безнадежно потеряна.

Намного больше, чем я когда-либо хотела себе позволить.

Руки Бэйла пробежались по моей спине, чтобы придвинуть меня еще ближе, но тут кто-то постучал в дверь. В испуге мы отскочили друг от друга, и я встала на некотором расстоянии от него.

Бэйл внимательно посмотрел на меня. Я кивнула и внутренне приготовилась к тому, что нам придется противостоять десятку вооруженных бегунов, готовых схватить нас по приказу своего руководства.

Но когда Бэйл немного приоткрыл дверь, за ней оказался

всего лишь пожилой господин в костюме, очках и с острой бородкой, который внимательно смотрел на нас, явно нервничая.

– Э... это вы связывались со мной от «Зеленого трепета»? – спросил он и попытался проскользнуть мимо нас в комнату.

«Да он сам боится засады», – дошло тут до меня, и плохое предчувствие, преследовавшее меня весь день, тут же испарилось.

Бэйл впустил мужчину внутрь. Казалось, тот почувствовал облегчение, когда смог покинуть зал, полный мутантов. Но едва он переступил через порог, как Бэйл прижал его к закрытой двери. Мужчина хрюкнул от удивления.

– Ч-что?.. – спросил он, но Бэйл не обратил на вопрос никакого внимания. Он поднял руку и просканировал мужчину детектором. Когда экран загорелся зеленым светом, Бэйл схватил руку штурмана, взял его детектор и быстрыми движениями пробежался по меню. Я предположила, что все функции определения местоположения, с помощью которых нас могли обнаружить, к его удовлетворению, были деактивированы, потому что Бэйл отпустил мужчину и протянул ему руку для приветствия.

– Бэлиен Треверс, – представился Бэйл.

Мужчина взял себя в руки и кивнул. Глаза его засияли. – Конечно, конечно – я вас знаю. Все-таки вы... это... ну... *вы*. И для меня огромная честь познакомиться с самым талант-

ливным вихревым бегуном всех времен, мистер Треверс. – Он перевел свой взгляд на меня. – И, конечно же, с вами, мисс Коллинз. Мы встречались с вами несколько раз во время вашей учебы в кураториуме, но вы, вероятно, и не вспомните меня.

Я пристальнее рассмотрела мужчину. Сообщение, которое получил Натаниэль, предводитель «Зеленого трепета» и глава Санктума, было очень коротким. Мы не знали даже имя, только что человек несколько десятилетий работал штурманом в кураториуме Нового Лондона под руководством Гилберта, мужа моей тети. Он утверждал, что курировал сотни миссий вихревых бегунов и даже состоял в прямом контакте с исследовательским отделом. Поэтому он собрал большой объем информации, который мог бы нам пригодиться. За это он хотел, чтобы мы предоставили ему убежище в Санктуме.

Мы не были уверены в том, можно ли было доверять этому человеку. Он утверждал, что преклоняется перед моим дядей, но это могло быть и целенаправленной ложью.

– Роберт Пулман, – представился наконец мужчина.

Я пожала его руку.

– Это большая честь для меня встретить вас, мисс Коллинз. Это ужасно, что случилось с мистером Вудроу.

– Вы видели его? – Я не смогла сдержать вопрос. – Вы лично видели моего дядю в кураториуме?

– К сожалению, нет. – Пулман покачал головой и посмот-

рел на меня так, словно ему на самом деле было очень жаль. – После того, как неделю назад снова открыли институт в Новом Лондоне, всех сотрудников перевезли из Нью-Йорка обратно. Мистер Вудроу должен был уехать, но я покинул Нью-Йорк раньше, чем прибыл транспорт. Я знаю только, что он по-прежнему содержится под стражей из-за подозрения в государственной измене.

– Так, значит, его еще ни в чем не обвинили? – поинтересовался Бэйл.

Пулман скривил лицо:

– Я боюсь, что в ближайшее время до этого не дойдет. Я предполагаю, что мистер Хоторн... – Он снова выглядел так, словно извинялся перед нами.

– ...специально затягивает дело, – закончила я его фразу и сжала руки в кулаки.

В этом он, вероятно, был прав. Варусу Хоторну не нужен был Гилберт, осужденный по закону и томящийся в тюрьме. Для этого он был слишком ценным, если учесть сколько всего он знал о Санктуме, о мутантах и о нас с Бэйлом.

Я даже не хотела представлять, что делал Хоторн с Гилбертом, чтобы заполучить эти знания.

Пулман внимательно разглядывал меня:

– Я здесь, собственно, из-за вашего дяди. Мистер Хоторн совершенно потерял контроль из-за ненависти к мутантам. И я не единственный в кураториуме, кто думает так же. Вашего дядю... – Он откашлялся. – ...очень любят, вы должны

это знать. То, что случилось с ним, открыло глаза и мне, и многим другим штурманам.

– И поэтому вы ставите на кон свою жизнь? – спросил Бэйл и холодно взглянул на Пулмана. – Только потому, что вам жаль вашего начальника?

Я была благодарна Бэйлу за то, что он оставался настроенным скептически. Потому что я больше такой быть не могла. Я представляла себе Гилберта, сидящего в одиночестве в тюремной клетке, думала о своей тете, его жене, которую он любил больше всего на свете. О Луке, его приемном сыне, и о себе – девочке, к которой он с самого начала относился как к родной дочери.

И я представляла себе, как он гадает, увидит ли снова свою семью.

– Не только из-за него, – произнес Пулман хриплым голосом. – Я сам отвечал за... за аресты и транспортировку сотен мутантов. Я думал, что делаю правое дело, но... – Он остановился и сглотнул так, словно готов был вот-вот расплакаться. – Только после того, как подтвердилось существование бегунов во времени – после того, как подтвердилось *ваше существование*... – Он переводил свой взгляд с меня на Бэйла и обратно, – ...и нам стало ясно, что мистер Хоторн планирует с вашей помощью уничтожить *всех* мутантов сразу, я понял, что не смогу больше служить кураториуму.

Бэйл медлил, что случалось с ним крайне редко. Мы обменялись с ним долгим взглядом. Казалось, что Пулман го-

ворил вполне серьезно. И даже если бы это была ловушка, мы должны были рискнуть, ведь так?

Я откашлялась.

– Вы сказали, что у вас для нас кое-что есть, мистер Пулман.

– Да, да... действительно.

Он расстегнул две кнопки своего жакета. Затем сунул руку во внутренний карман.

От напряжения я затаила дыхание. Похоже, что Бэйл чувствовал то же самое. Но Пулман замешкался.

– А вы гарантируете мне, что доставите меня в этот город и обеспечите мне защиту? Вы знаете, что случится со мной, если кураториум узнает о моем поступке?

– Мы гарантируем, – сказала я, хотя в этом вопросе наши с Бэйлом мнения расходились.

Мы спорили об этом еще в транспортном поезде по дороге в Нью-Йорк. Бэйл считал, что мы вытянем из Пулмана всю информацию, а затем просто отпустим его, так как он представлял слишком большую опасность для Санктума. В итоге я приняла решение, но Бэйл явно был им недоволен.

Обо всем этом Пулман, конечно, не знал.

Бэйл протянул было руку, но Пулман повернулся ко мне. Он вытащил из кармана чип с данными и передал его мне.

– Видео закодировано, – пояснил он. – Конференции руководителей кураториума строго конфиденциальны, расшифровка требует много времени, а его у меня не было. Но

я, без сомнения, тут же приступлю к работе, как только вы обеспечите мне безопасность.

Это был хитрый ход, если не сказать неожиданный. Пулман хотел стать незаменимым.

Я ощутила тепло карты памяти. Из-за нее мы пошли на большой риск. И я надеялась, что она того стоила. Я протянула ее Бэйлу. Он вставил карту в отверстие детектора. Прошло немного времени и Бэйл кивнул.

– Кажется, она настоящая, – произнес он. – По крайней мере, насколько я могу судить. Я отправлю файл в Санктум, пусть Робур посмотрит. Нужно убедиться, что на видео действительно Хоторн.

– Ну конечно на нем Хоторн! – возмутился Пулман. – Я рисковал *всем*, чтобы передать вам это видео. Если кураториум узнает, что я снял конференцию руководителей, то...

– Успокойтесь, – перебила я его. – Мы благодарны вам. Но вы должны понять, что нам необходимо убедиться в подлинности видео, прежде чем мы возьмем вас с собой.

– Конечно, – ответил Пулман. Затем он снова полез в свой карман. – Я принес вам еще кое-что. – Он натянуто улыбнулся. – Что-то вроде дополнительного свидетельства того, что мне можно доверять.

Он вытащил из кармана шарик величиной с ноготь большого пальца и повернул его так, чтобы его было видно на свету.

Это был гравитационный сенсор. Его гладкая, круглая

внешняя оболочка была темной, почти черной. На первый взгляд он выглядел как совсем обычный гравитационный сенсор, который при активации светился голубым светом. Только когда на него упал свет от настенных проекций, можно было увидеть, что шарик светился не голубым, а оранжевым.

– Нулевой сенсор, – произнесла я растерянно.

Это было самое первое поколение гравитационных сенсоров. Из-за их разрушительного действия они уже на протяжении нескольких десятилетий были официально запрещены. Они не только подавляли энергию вихрей на определенный промежуток времени, как это делали нынешние сенсоры, но и разрушали ее. Обладая достаточным запасом таких шариков, мутанта можно было не только обезвредить, но и убить.

Именно такими нулевыми сенсорами нам с Бэйлом удалось нанести осязаемое поражение кураториуму. Несколько подобных шариков навсегда разрушили единственный путь в прошлое. Отныне невозможно будет вернуться в две тысячи двадцатый год, туда, где возник самый первый вихрь. Так мы помешали плану Варуса Хоторна, жаждущего уничтожить Вихрь-прародитель и тем самым не только перевернуть с ног на голову последние восемьдесят лет, но и сделать так, чтобы мутантов не существовало вовсе.

– Что это значит? – спросила я.

– Мисс Коллинз.

Пулман положил свою руку на мою. Я была так смущена этим, что позволила ему мягко сжать ее, пока не ощутила пальцами нулевой сенсор.

– У вас в руках *новый* нулевой сенсор. – Пулман говорил очень взволнованно. – Одно это уже неслыханно. Как вы знаете, производство нулевого поколения сенсоров было прекращено несколько десятилетий назад. Они слишком опасны, слишком разрушительны. Планы по их изготовлению возникли, должно быть, в пятидесятых годах. Но этот сенсор – как и несколько сотен других – был введен в эксплуатацию в тот же день, когда состоялась конференция руководителей. И это еще не все. Они были модифицированы.

Бэйл фыркнул:

– И что, по вашему мнению, это может означать?

– Этого я не знаю. – Пулман сжал губы. – Я не знаю, почему вдруг решили переработать нулевые сенсоры, но в план изготовления был вложен протокол изменений. Изменение было инициировано для проекта «Aeolus²».

Я вопрошающе посмотрела на Бэйла, но тот лишь пожал плечами. Поэтому я снова повернулась к Пулману:

– А что такое проект «Aeolus»?

Пулман беспомощно посмотрел на меня:

– До этого я никогда не слышал о нем, но между видео с конференции руководителей и изменениями в сенсорах должна быть какая-то связь.

² Aeolus (*греч., миф.*) – бог ветров, обитавший на острове Эолия.

– Ну, – я положила сенсор в боковой карман своей униформы, – вероятно, это очень ценное доказательство. Мы...

И тут разом погасло мерцание всех настенных проекций.

Несколько долгих секунд мы находились в полной темноте, затем помещение осветил яркий белый свет.

Я прикрыла глаза рукой.

– Да что, черт возьми, происходит? – Бэйл бросился к двери. Снаружи доносились приглушенные крики.

– Ты сказал, что этот клуб невозможно обнаружить, – крикнула я.

– Так и должно было быть!

Бэйл приоткрыл дверь «Красной комнаты». Сквозь щель я увидела посетителей клуба, разбегающихся кто куда. На входе, держа оружие наизготовку, стояли вихревые бегуны.

И они открыли огонь.

В клубе началась настоящая паника. Я с ужасом заметила, что бегуны использовали не обычные патроны, светящиеся голубым – вместо них тут и там сверкали вспышки оранжевого.

Во мне словно разверзлась глубокая бездна. Пулман говорил правду: кураториум больше не использовал против мутантов обычные гравитационные сенсоры. Нет, это были нулевые сенсоры. И нужны они были для того, чтобы навсегда уничтожить в мутантах энергию вихря.

3

Бэйл закрыл дверь, нажал на механизм замыкания и сверкнул глазами в сторону Пулмана:

– Вы обманули нас.

– Нет! Это не я привел их сюда!

Судя по его бледному лицу, он говорил правду.

– Нам нужно выбираться отсюда, – прошептала я.

Снаружи в зале раздавались все новые и новые крики – и выстрелы. Мне стало дурно. Я представила, как вихревые бегуны хладнокровно уничтожают всех этих мутантов, которые только что мирно праздновали.

– Без него, – кратко произнес Бэйл.

Не может быть, чтобы он говорил это серьезно.

– С ним!

Бэйл покачал головой:

– Нет, пока мы не будем знать, что это не он сдал нас.

Возможно, его детектор все-таки отследил наше местоположение.

Я потянула Пулмана за рукав жакета, затем быстро стянула с его запястья детектор. Штурман начал было протестовать, но затем сжал губы и промолчал. Я бросила похожий на наручные часы прибор на пол и несколько раз с силой наступила на него сапогом.

– Теперь он не представляет никакой опасности для Санк-

тума, – произнесла я. – Кто привел сюда этих бегунов, мы сможем выяснить позже. Так или иначе, у него есть информация, которая может нам пригодиться.

Бэйл явно не был рад такому развитию событий, но я знала, что он ничего не мог возразить.

Вместо ответа Бэйл вытянул вперед руку и между его пальцами появился вихрь. Синее мерцание быстро росло, и вихрь сформировался в круг величиной почти до потолка комнаты. Он развернулся и перемешал все вокруг – потолок, пол, яркий свет. Его шипящая энергия тянула меня вперед, словно магнит.

– Пойдемте, – приказала я Пулману, но он вдруг посмотрел на меня глазами, полными паники.

– Я... я не могу проходить сквозь вихри. Я никогда не заявлялся в качестве бегуна. Я был... я хотел быть только штурманом.

Я застонала. Да сколько же может так не везти? Таких штурманов, которые не прошли хотя бы базовую подготовку для вихревых бегунов, было мало. Конечно, те, кто хоть немного был подготовлен, были не очень хороши в прыжках, но почти каждый из них мог пройти сквозь вихрь вместе с опытным бегуном.

Что-то с силой ударило в дверь. Снаружи до нас доносились голоса. Кто-то дергал за ручку двери.

– Ч-что же нам сейчас делать? – Пулман дрожал всем телом. – Если они меня здесь найдут, то я пропал!

– Мы что-нибудь придумаем, – попыталась я успокоить его, а заодно и себя. – Мы можем просто-напросто потянуть его за собой? – прошептала я Бэйлу. Он иногда делал это с Атласом, своим псом. Но Атлас был животным-мутантом, энергия вихря уже была в нем заложена. Он мог проходить сквозь вихрь точно так же, как грундеры, швиммеры, вирблеры или цюндеры. А вот люди, как я например, напротив, должны были этому долго учиться.

Я взглянула на Бэйла и сразу поняла, о чем он думал. *Без вариантов.*

– Или мы можем их отвлечь, – произнесла я спешно. – Мы одновременно выйдем, я ведь уже научилась прыгать быстро, почти так же хорошо, как ты.

Это было большой ложью, и мы оба это знали.

– И пока они охотятся на нас, он может попытаться выскользнуть отсюда.

– Слишком опасно, – отверг Бэйл мое предложение. – Если они попадут в нас хоть одним гравитационным сенсором, мы не сможем больше открывать вихри. И тогда все мы попадем в тюрьму.

Крики снаружи становились все громче. В дверь снова что-то ударило, еще и еще раз. Затем на какое-то мгновение наступила тишина, пока вдруг что-то не зажужжало и механизм смыкания не открылся.

– Пойдемте! – крикнула я Пулману и протянула ему свою руку. – Вы должны прыгнуть с нами. По-другому не полу-

чится!

Пулман медлил. В его глазах читались страх и неуверенность. Затем он в панике покачал головой.

– Я не могу! – завизжал он.

Бэйл схватил мою руку и дернул меня вперед. Я сопротивлялась. По крайней мере, пыталась.

– Элейн! – Голос Бэйла звучал откуда-то издалека. – У нас нет больше времени!

Я посмотрела на Пулмана. Он так и стоял как вкопанный посреди комнаты, продолжая качать головой. Я хотела броситься к нему, но в этот момент дверь распахнулась, Бэйл сжал мою руку с новой силой и резко втянул в вихрь.

Пока десятки вихревых бегунов забегали в помещение, меня уже охватила энергия и комната расплылась у меня перед глазами. Пулман еще стоял передо мной, в своем костюме, галстук, с острой бородкой и в очках, но затем исчез и он.

Я хотела крикнуть Бэйлу, заставить его вернуться и каким-то образом вызволить оттуда Пулмана, но Бэйл держал меня железной хваткой в нужном положении. Энергия прошла мимо нас и с такой силой увлекла меня с собой, что у меня не было выбора. Я приспособилась к ней и переставила ноги так, чтобы могла двигаться по течению потока.

Сквозь голубоватые клубы воздуха я видела небоскребы Нью-Йорка, с шумом проносящиеся мимо нас. До нас доносились звуки города, вокруг мерцало море огней. Бэйл снова

дернул меня в сторону, и я тут же поняла почему. В нашу сторону направлялись многочисленные голубые гравитационные сенсоры! Они попадали в вихрь, разворачивались в нем и окружали нас. Если они пролетали мимо, то пробивали дыры в вихре.

За нами следовали вихревые бегуны из клуба! В отличие от Пулмана, они могли преследовать нас через вихрь и напасть на нас.

– Приготовься! – крикнул Бэйл.

Вихрь растворился, нас закружило, и я позволила Бэйлу схватить меня в тот момент, когда мы внезапно покинули вихрь и полетели по воздуху.

Мы упали посреди широкой улицы, но смогли оба перекатиться, смягчив удар. Я взглянула наверх. Перед нами в ночном небе возвышались пять огромных, ярко освещенных башен из стекла. Это здание я узнала сразу: это был нью-йоркский южный железнодорожный вокзал, на который мы приехали сегодня утром.

Гудение высокоскоростных поездов было слышно даже здесь. Они соединяли мегаполисы с немногими оставшимися небольшими городками, разбросанными по стране.

Вихрь, из которого мы выпали, жужжал метрах в трех над нами. Я слышала доносящиеся из него крики.

Бэйл дернул меня за руку. Я споткнулась о мешки с мусором и едва не упала снова. Бэйл открыл дверь рядом с нами и втолкнул меня в какое-то полутемное помещение. Это яв-

но был склад, потому что повсюду виднелись полки высотой до потолка.

Бэйл и я одновременно вытянули вперед руки. Между пальцами у нас возникла вибрация, энергия вихря росла, но тут же снова затихала.

– Черт, – выругался он.

Мы оглянулись и тут же поняли, почему не могли вызвать вихрь. На каждой стойке было закреплено большое количество гравитационных сенсоров, которые блокировали любую вихревую энергию, возникающую вблизи.

Мой взгляд упал на одну из полок. Рядом с некоторыми контейнерами лежали электронные плакаты, слегка освещающая комнату. Я сглотнула. Эти плакаты висели в городе повсюду. Каждые пару секунд на них менялись две розыскных листовки: сначала с лицом Бэйла, а затем – с моим.

И на каждой стояло: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЗА ГОСИЗМЕНУ».

– Это склад кураториума, – ахнула я, и тут что-то ударило в дверь за нашими спинами.

– Бежим!

Бэйл потянул меня за руку вдоль полки. Их ряды уходили в бесконечную даль. Дверь с грохотом открылась.

– Стоять! – крикнул один из вихревых бегунов, и тут же темноту помещения осветили голубые шарики, со свистом пролетевшие мимо нас.

На этот раз я толкнула Бэйла в сторону. Благодаря этому

в нас не попали, но мы влетели в стопку плакатов.

– Быстрей!

Я схватила Бэйла за руку и потянула вдоль полок.

Мне показалось, что я заметила выход в конце ряда. Мы направились туда, еще пару раз уклонившись от выстрелов и сделав рывок на последних метрах.

«Пожалуйста, будь открыта, пожалуйста, будь открыта», – думала я и уже настроилась на самое худшее, когда снова услышала за спиной приказы остановиться. Они наверняка приказали своим штурманам в штабе дистанционно запереть все двери.

Но мы бежали быстро и действовали синхронно. Бэйл потянул за ручку двери, я проскользнула внутрь, открыла вихрь, а Бэйл закрыл дверь.

Я прыгнула первая и успела увидеть, как Бэйл, перед тем как последовать за мной, сконцентрировал вихревую энергию у себя между пальцев и сломал дверную ручку. Мы сомкнули наши руки в замок, я глубоко вздохнула, и мы вместе помчались по миру.

4

В ту самую секунду, когда мы материализовались на крыше высотки, я со всей силы оттолкнула Бэйла от себя. Он выглядел очень уставшим, как минимум таким же уставшим, какой ощущала себя я, но от этого чувство гнева в моем животе не стало меньше.

– Мы договорились, что не оставим его там! – крикнула я сквозь порывы ветра. – Ты обещал мне!

Подбородок Бэйла напрягся.

– По-моему, не похоже было, что у нас был выбор.

– Ах да? Как практично – как раз по тебе!

– Эй. – Бэйл взглянул на меня. – Я этого не планировал, хорошо? «The Merge» был надежным местом – этот клуб всегда был защищен. Я знал там многих мутантов. Эти люди были моими друзьями. Неужели ты думаешь, что мне нравится, что сейчас их доставят в последние из оставшихся зон?

Я замерла, и мой гнев полностью исчез. Бэйл был прав. Мало того, что бегуны штурмовали клуб, они еще и стреляли по мутантам нулевыми сенсорами.

Такого я еще ни разу не встречала. Нулевые сенсоры были запрещены уже несколько лет! Ни один из вихревых бегунов не имел права стрелять ими в мутантов.

Сколько человек пострадало от этих сенсоров сегодня вечером? В любом случае, всех мутантов, которые были сего-

дня в «The Merge», схватил кураториум.

Я полезла в свою униформу и вытащила из кармана маленький шарик, который дал мне Пулман. Казалось, оранжевое сияние смеется надо мной. Я быстро засунула его обратно в карман куртки и пошла. Раньше в такие моменты я всегда открывала свою бутылочку с мятным маслом, чтобы аромат меня успокоил, но я потеряла ее несколько месяцев назад, да и, собственно, больше не нуждалась в ней. В обычных обстоятельствах.

Я остановилась на краю крыши и посмотрела на огромный город внизу. С помощью вихря я снова вернула нас в Нижний Манхэттен, туда, где нас меньше всего ожидают увидеть. Всего в нескольких километрах от нас возвышалось в небе синее, по форме напоминающее подкову здание кураториума Нью-Йорка.

Я услышала тихие шаги и почувствовала, как Бэйл приблизился ко мне сзади.

Мои руки сжались в кулаки.

– Нам нельзя было проникать в город.

Бэйл вздохнул:

– И какой у нас был выбор? Пулман отказался входить на незащищенные территории без защиты.

– Там он был бы в большей безопасности, – прошептала я и обхватила себя руками за плечи. Для мая погода была еще непривычно холодной. И хотя моя униформа смягчала резкий ветер, в сочетании со страхом, который проник до

самых костей, он заставлял меня дрожать с головы до ног.

Все эти мутанты, которые в панике пытались сбежать из клуба. Отчаянный взгляд Пулмана, то, как он качал головой. Я оставила их в беде. Точно так же, как в свое время оставила в беде Гилберта.

– Элейн, мы не смогли бы их спасти. – Голос Бэйла звучал покорно. – И это было решение Пулмана. Каждый опытный штурман знает, что происходит с человеком, который еще ни разу не проходил через вихрь. Он предпочел тюрьму верной смерти.

Я прерывисто выдохнула. Я ненавидела, когда Бэйл был прав. Но еще больше я ненавидела то, что его слова не помогли мне избавиться от чувства вины.

– Пойдем, нам пора уходить отсюда. – Бэйл указал на небо, где дроны-наблюдатели летали по своим орбитам. Он протянул мне руку.

– Ну и куда мы теперь? – отреагировала я уныло. – Кураториум, наверное, давно уже окружил все вокзалы. Они соберут сейчас всех бегунов, чтобы отыскать нас. Мы никогда отсюда не выберемся.

– У меня есть план, Барби. Ты только должна довериться мне.

Я скрестила руки на груди и покачала головой:

– Нет, сейчас время *моего* плана.

Бэйл приподнял бровь:

– И что это за план?

– Мы попытаемся снова, с самого начала, – произнесла я решительно. – Если мы сейчас перенесемся во времени немного назад, то, вероятно, сможем спасти Пулмана и всех мутантов до того, как там появится кураториум.

Бэйл застонал:

– Мы не можем этого сделать. Как часто я должен это повторять?

Пока я в это не поверю.

Я ощутила пальцы Бэйла на своих. Он потянул меня за руки и крепко сжал ладонями. Часть меня была такой злой, что я готова была оттолкнуть его, но, когда Бэйл посмотрел на меня своим проникновенным взглядом, я поняла, что не смогу этого сделать.

– Мы не в состоянии изменить прошлое, – сказал он мне точно так же, как делал это десятки раз на протяжении последних недель. – Даже если мы прыгнем назад с помощью вихря... Время – это закрытая система. Все, что произошло, будет происходить именно так, а не иначе. Мы можем попытаться сделать то, что хотим, и, возможно, даже поменяем что-то в мелочах, но в конце концов мы все равно будем вынуждены оставить Роберта Пулмана там. Мутантов все равно схватит кураториум. И нет ничего, что мы могли бы изменить.

Измученная, я прижалась лбом к груди Бэйла. Как он мог быть убежден в том, что ничего нельзя исправить, когда мы так много смогли изменить?

Мы открыли зоны, в которых мутанты содержались на протяжении более сорока лет. Мы позаботились о том, что один из мегаполисов мирно открыл свои ворота для мутантов. А Санктум?

Тайный город был наилучшим примером того, что мирное сосуществование людей и мутантов было возможным.

Тот, кто достиг всего этого, мог достичь еще большего! И я отказывалась верить, что время прописало для нас то, что мы можем и не можем делать.

– Мне очень жаль, что мы не смогли ему помочь, – произнес Бэйл, как мне казалось, достаточно искренне. – И ты была права. Он был на нашей стороне. Он действительно хотел покончить с прошлым.

Я снова подумала про «The Merge». Так много мутантов объявили нас героями после того, как мы открыли зоны. Так много видело в нас лица мирной революции, которая пыталась убедить весь мир в возможности сосуществования людей и мутантов.

Некоторые называли нас освободителями. В первую очередь это касалось Бэйла, потому что это он украл коды из кураториумов, с помощью которых потом открыл зоны. Но я?

Моим единственным героическим поступком было то, что я его не остановила. А сегодня из-за нашего присутствия многие мутанты оказались в плену.

Освободители? Сейчас я ощущала себя предателем.

Детектор Бэйла мигнул, и тот отпустил меня, чтобы по-

смотреть на экран.

– Мы должны вернуться в Санктум.

– Великолепная идея. И у тебя есть план, как это сделать?

Бэйл посмотрел в небо. Затем слегка улыбнулся мне:

– Да. Но я боюсь, что он тебе не понравится.

План мне действительно не понравился. Чтобы не сказать большего, по шкале сумасшествия планов Бэлиена Треверса этот получил от меня чистую десятку.

– Ты сошел с ума, – сказала я, когда он против моей воли тащил меня за собой к выступу.

Блеск в глазах Бэйла действовал на меня совсем не успокаивающим образом.

– Ты преувеличиваешь.

– Преувеличиваю? – Я уставилась вниз в пропасть. – Не может быть!

Мы стояли на одной из ферм, расположенных на крыше высотки, которые снабжали город продуктами питания. Такие участки можно было найти на окраинах мегаполисов повсюду. Они находились в непосредственной близости к жилым кварталам, а в нашем случае – в непосредственной близости к северному железнодорожному вокзалу.

Стеклянное здание вокзала находилось прямо перед нами, и мы отчетливо видели, каким количеством дронов и транспорта оно охранялось. При этом все было напичкано сияющими голубыми сенсорами.

Наша дорога в город сама по себе уже была невероятно огромным риском, прежде всего потому, что въезд в мегаполис отслеживался намного строже, чем выезд. После нескольких нервных часов, когда нас прогоняли через десятки сканеров, а мы переживали, что нас раскроют, мы не беспокоились о нашем отъезде. Но теперь ситуация изменилась. Мои предположения оправдались: они перекрыли все немногочисленные выходы. Никто не мог покинуть город, пока нас с Бэйлом не поймают.

Я вынуждена была признать, что наши возможности были ограничены.

И все же.

– Мы умрем, ты это понимаешь или нет?

Лицо Бэйла приняло странное выражение, затем он улыбнулся:

– Доверься мне, никто из нас сегодня не умрет.

Я фыркнула. То, как Бэйл бесстрашно рисковал жизнью, было мне совершенно не понятно. Словно он обладал шаром предсказаний, который после нескольких встряхиваний подтверждал: не беспокойся, ты переживешь сегодняшний день, так что можешь не опасаться!

Тяжело дыша, я посмотрела вперед, в бездонную даль. Солнце между тем уже взошло. Перед нами находились два или три жилых квартала, за которыми следовала огромная стена, отделявшая Нью-Йорк от незащищенных районов. За ней простиралась незастроенная земля, на которой я обна-

ружила небольшие белые пятна – это были палатки «Зеленого трепета», в которых уже несколько недель проживали мутанты в ожидании разрешения на въезд в город.

Но меня пугало не далекое расстояние – преодолеть его с помощью вихря не было проблемой. Меня беспокоили голубые гравитационные сенсоры, которые мерцали на стене. И не только на ней, а даже в небе над ней. Нью-Йорк накрыли огромным сенсорным куполом, простиравшимся даже над дальними окраинами.

Создавалось впечатление, что в дополнение к защитной стене раскрыли огромный зонт, который даже для нас, тех, кто мог свободно управлять вихрями, делал невозможным любой побег.

Ну или «почти невозможным», если хоть на секунду поверить Бэйлу.

Отдельные ряды сенсорного купола поблескивали в секундном такте друг за другом, они то гасли, то загорались голубым цветом, словно волна на стадионе.

– Надо поймать нужный момент, – произнес Бэйл и указал вперед. – Они не могут активировать одновременно все сенсоры сразу, это слишком быстро расходует энергетические резервы города.

– Но это всего лишь секунды, – вставила я.

Мне казалось, что я очутилась в плохом фильме или в одной из любимых Лукасом ретро-игр, которыми он годами нервировал меня дома, где человек должен был успеть

пробежать под гильотинами, падающими сверху.

– Нам нужно хорошо потренироваться, – согласился Бэйл и снова протянул мне руку.

Я измученно вздохнула, но сцепила свои пальцы с его. С одной стороны, потому что у нас действительно не было выхода, а с другой – потому что я знала, на что был способен Бэйл. Его план действительно был сумасшедшим, но если кто и мог его осуществить, то только Бэйл.

Бэйл наклонился вперед, я сделала то же самое.

Ряд за рядом сенсоры то мелькали голубым цветом, то гасли – это означало, что они выключались. Голубой цвет означал рабочее состояние, а значит – смерть, потому что если наш вихрь наткнется на сенсоры и его энергия разом заблокируется, мы без всяких тормозов полетим на сотни метров вниз.

Мое сердце забилося еще сильнее. Я так крепко сжала руку Бэйла, что ему наверняка стало больно, но, взглянув на него, я увидела, что он был в высшей степени сосредоточен. Слабые полоски света падали на его темные каштановые волосы и обрамляли его застывший силуэт. Двигались только его губы: Бэйл отсчитывал такт. Я тоже посмотрела вперед, пытаюсь понять, какой момент был бы самым лучшим для прыжка.

– Готова? – спросил наконец Бэйл, не прекращая считать. Перед нам открылся вихрь, он гудел, словно не мог дождаться нашего прыжка.

Я сделала глубокий вдох, ветер бросился мне навстречу, и я представила себе зеленые луга, ожидавшие нас за стеной.

Я кивнула:

– Готова.

Бэйл подождал несколько секунд. Ряд сенсоров вблизи от нас погас как раз в тот момент, когда мы прыгнули в вихрь. Поток воздуха катапультировал нас вперед. Встряска была настолько сильной, что можно было видеть только лохмотья внешнего мира. Я запрокинула голову. Прямо перед собой я смутно увидела сенсоры.

Мы были почти у цели, но сенсоры продолжали гореть голубым. Я испуганно вскрикнула и сжала руку Бэйла так крепко, как только могла.

Мы летели сквозь воздух, словно пули, но сенсоры оставались голубыми. Они приближались все быстрее, и в тот момент, когда мы как раз неслись прямо в дыру в сенсорной сети, я закрыла глаза и приготовилась к удару.

Вокруг меня жужжал вихрь, и я слышала ритм собственного прерывистого дыхания.

Только после того, как я снова открыла глаза, я осознала, что ничего плохого не произошло. Сенсорный купол остался позади нас. Под нами находились многочисленные палатки мутантов, которые разбили лагерь перед Нью-Йорк Сити. Мы действительно поймали ровно ту секунду, когда сенсоры выключились.

Мы были свободны!

Наши тела летели по миру словно снаряды, энергия под нами исчезала, адреналин в моих жилах заставлял пульсировать каждую клеточку, что причиняло мне боль.

Я подчинилась вихрю, и все чувства, кроме самых элементарных, исчезли. Я ощущала энергию на своей коже, словно треск от разомкнутой линии электропередач.

Было время, когда я верила, что прыжок в вихрь – это всего лишь средство для достижения цели, способ за короткое время преодолеть большие расстояния. В вихре можно было добраться от Нью-Йорка до Москвы и от Сиднея до Нового Лондона, от пустыни Сахара до вершины Гималаев. Раньше я была убеждена в том, что буду служить кураториуму, всего лишь прыгая из одного вихря в другой вихрь. Но сегодня все было по-другому.

По прошествии времени я научилась влиять на вихри, чтобы они приводили в нужное место. Энергии, которые могли бы тяжело ранить обычного бегуна, беспрепятственно входили в наши тела и приспособлялись к нашим движениям. Нам нужно было всего лишь изгибать вихрь, чтобы он...

«Да», – подумала я. Потoki отреагировали прежде, чем я уловила мысль. Вихрь поменял направление и – я ощутила это кончиками пальцев, – отправился в Санктум.

Три дня спустя

Я осторожно вошла в комнату Бэйла и на мгновение застыла в проеме двери. Из ванной были слышны звуки льющейся из душа воды.

Мы договорились со Сьюзи и Фагусом, что потренируемся сегодня в управлении вихрем, но Бэйл явно еще не собрался.

Лучше, если я его подожду. До сих пор я еще никогда не находилась в комнате Бэйла одна. Конечно, я часто бывала здесь, в большинстве случаев для того, чтобы вместе с ним вскарабкаться на террасу, расположенную на крыше гостевого домика, но в одиночестве... мои ощущения были совершенно другими.

Я выглянула в круглое окно. Город сиял насыщенным зеленым светом. Санктум состоял из огромных деревьев, внутри которых вырастали дома, такие как, например, наша гостиница. Снаружи они были похожи на наросты, соединенные между собой мостиками и переходами. Лестницы шли сквозь листву от одного этажа дерева к другому. В гостинице, принадлежавшей портному Аллистеру Вемиссу, в которой я сейчас находилась, было пять этажей. На первом этаже была кухня, столовая, гостиная и мастерская Аллистера. На верхних этажах располагались комнаты для гостей.

Как в Санктуме, так и в гостинице каждый день можно было обнаружить что-то новенькое. Но только не в комнате Бэйла.

Я отвернулась от окна и скользнула взглядом по кровати, дивану, письменному столу и коробке Атласа у двери. Я могла пересчитать личные вещи Бэйла по пальцам одной руки. Ничего в комнате не указывало на проживание в ней именно Бэйла, хотя он проводил здесь много времени в перерыве между вылазками. За все это время он даже не распаковал свою одежду. А те немногочисленные книги, которые у него были, до сих пор лежали в картонной коробке.

Вода в душе продолжала литься. Я опустилась на стул возле письменного стола и сделала глубокий вдох. В комнате слегка пахло перечной мятой. Это был мой любимый аромат, который, как мне казалось, исходил от каждой вещи, к которой прикасался Бэйл.

Даже не верилось, что прошло уже три дня, с тех пор как мы вернулись с нашей миссии в Нью-Йорк Сити. Три долгих дня, в течение которых воспоминание о штурме клуба бесконечно крутилось у меня в голове, хотела я того или нет. Я постоянно спрашивала сама себя, не мы ли привели бегунов к мутантам. Возможно, мы просто оказались не в то время и не в том месте.

Скорее всего, я никогда не узнаю правду.

Но это помогло нам снова оказаться дома. Я вообще не осознавала, насколько мне не хватало Санктума, тети Лис

и моих друзей – Сьюзи, Фагуса и, конечно, Луки. До того момента, как мы выпрыгнули из вихря и в нос нам ударил запах сырого леса.

Бэйл и я как можно быстрее исчезли в гостинице Аллистера, чтобы не стать причиной ажиотажа в городе. С тех пор, как мы открыли зоны, в которых были заключены мутанты, каждый житель узнавал наши лица. Спокойно мы могли себя чувствовать только в гостинице.

Более или менее, конечно.

Тетя Лис с момента нашего прибытия не сводила с меня глаз. Она всегда была порядочной наседкой – с тех пор, как я оказалась у нее после смерти моей мамы. И после всего, что мы пережили в Нью-Йорке, она с удовольствием бы вообще меня от себя не отпускала. Но мы обе понимали, что так быть не могло.

После нашего возвращения они с Лукой сразу же стали расспрашивать меня про Гилберта. Тетя Лис очень переживала за своего мужа, Лука чувствовал то же самое. Я видела по их глазам, как сильно они хотели найти какую-нибудь соломинку – что-то, что подарило бы им надежду.

Но я могла передать им только то, что сообщил нам Роберт Пулман. Мы не узнали ничего нового. Гилберт оставался пленником Хоторна. И пока мы не найдем способ вызволить его из кураториума, он таковым и останется.

Вымученная улыбка Лис снова и снова вставала у меня перед глазами.

Гилберт не был ни моим отцом, ни родным дядей, но он растил нас с Лукой как собственных детей и всегда придерживался того, что считал правильным.

Мы обязаны были его спасти.

И мы очень надеялись, что чип Пулмана с закодированным видеопосланием поможет нам в этом. Поэтому мы сразу же доставили его в мастерскую Робура.

Робур жил с нами в гостинице и был кем-то вроде главного инженера. Он и еще несколько техников Санктума пообещали нам, что постараются сделать все, чтобы расшифровать видео из кураториума как можно быстрее.

Помогал им в этом Лука. Будучи кандидатом, он проводил все свободное время в кураториуме, занимаясь взломом местной системы. Но взломать конференцию руководителей – это совсем другое дело. Так сказал нам Лука.

В общем, нам оставалось только ждать. И я каждый день наблюдала в глазах Бэйла только одно: его ненависть к ожиданию.

Сначала он, словно сторожевой пес, сидел в мастерской Робура и наблюдал за расшифровкой видеопослания. Это продолжалось так долго, что Робур, раздраженный постоянными расспросами, просто-напросто выставил его за дверь.

Поэтому в дальнейшем Бэйл коротал время за тренировками прыжков в вихри со мной, Сьюзи и Фагусом. Для меня это было как раз кстати, потому что я сгорала от желания совершенствовать свои умения и навыки.

Я нерешительно поерзала на стуле. Мой взгляд снова упал на коробку с книгами Бэйла. Я наклонилась и провела пальцами по корешкам. Затем поставила коробку себе на колени. Все книги были уже довольно старыми, с порванными и потертыми переплетами. В большинстве своем это были книги о вихрях, но я нашла и несколько исторических книг, пару романов и... Я резко остановилась, обнаружив одну книгу без названия, которая лежала на самом дне коробки.

Я осторожно вытащила ее. Она была довольно тонкая, в кожаном переплете, с небольшим карандашом, прикрепленным сбоку.

Было похоже на то, что я обнаружила... дневник. По крайней мере, я уже видела такие в одной книжной лавке в Санк-туме. С другой стороны, Бэйл не был похож на человека, который ведет дневник. Или нет?

Мой палец в нерешительности парил в воздухе. Я затаила дыхание и прислушалась. Вода в душе все еще шумела.

Зная, что не должна этого делать, я взяла книгу, пообещав себе в тот же момент, что сразу верну ее обратно, если она на самом деле окажется дневником.

Мое сердце бешено застучало, едва я открыла первую страницу. Но это оказался не дневник. И не роман. Нет, это были... рисунки. Записная книга, полная рисунков.

Я даже не подозревала, что Бэйл рисует. И рисует хорошо. Ни он, ни кто-либо еще даже не упоминали об этом. В комнате Сьюзи, например, стояли несколько мольбертов и хол-

стов, но почему она не рассказала мне о Бэйле?

Я снова покосилась в сторону ванной комнаты, а затем начала судорожно листать страницы. На первых был изображен Санктум – дикий, зеленый и прекрасный. На следующих страницах были портреты жителей нашей гостиницы. Бэйл нарисовал Робура в своей мастерской, с угрюмым выражением лица. Аллистера он изобразил с мягкой улыбкой, сидящего у себя в гостиной и пьющего чай из любимой чашки. Фагус, дерзко усмехающийся, ловко жонглировал детекторами с помощью своих рук-корней. Уверена, это были детекторы, украденные им и Бэйлом во время их совместных вылазок.

Рисунки были даже подписаны датами. Под одним из рисунков Атласа, глупо глядевшего на меня верными собачьими глазами, стояло «2095». Был ли это год, когда Бэйл впервые появился в Санктуме?

Едва не выронив книгу от волнения, я продолжила листать ее.

Рисунки, датированные две тысячи девяносто седьмым годом, изображали Сьюзи. Бэйл сначала рисовал ее так, как она выглядела на самом деле: с кожей, немного отливающей голубоватым блеском, какая была у всех швиммеров, с тоненькой трубочкой в носу и аппаратом для дыхания, который она прятала под мешковатым свитером. Но были здесь и рисунки, на которых Сьюзи была совсем другой: свободная от всяких аппаратов, она плавала в море со счастливой

улыбкой на лице.

В середине книги мне стали встречаться рисунки вихрей и людей, бегущих по ним, и я затаила дыхание, увидев первые из них.

Изящные линии моих рук, бедер, ног. Вот я глажу Атласа, танцую со Сьюзи, стою посреди мутировавших косуль. А вот я в бальном платье, которое сшил для меня Аллистер, а здесь – в униформе бегуна. Он даже нарисовал нас с Лукасом: мы сидим на диване и смеемся. Этим рисункам было не больше пары недель.

Когда я дошла до последней страницы, то задержала лист бумаги между пальцами и... застыла.

Рисунок был еще не завершен. Мои волосы были слишком короткими. Но мое лицо, моя шея, мои плечи и мои руки были прорисованы идеально. Я стояла посреди огромного дикого вихря – вихря, какого я еще никогда не видела. Казалось, что в нем смешались тысячи миров, и все это спиралью кружилось вокруг меня. Я стояла в центре урагана, а он не хотел ни поглотить меня, ни отступить назад.

Бэйл сделал что-то невероятное. На рисунке я светилась изнутри, и все, что мне в себе не нравилось, просто-напросто отсутствовало. Мое лицо было серьезным, почти взволнованным, и я... я выглядела невообразимо сильной.

Я вздрогнула от покашливания за спиной. И тут же осознала, что шум воды в душе прекратился. Мое сердце снова дико забилось, и я медленно повернулась.

Я не знала, что больше всего меня напугало: застывшее выражение лица Бэйла или то, что на нем не было футболки, а только свободные льняные брюки.

– Дай мне книгу, – произнес он серьезно.

– Я... я не хотела, – запинаясь, сказала я и почувствовала, что краснею. И о чем я только думала, копаясь в вещах Бэйла?

Я хотела извиниться, но Бэйл уже протянул руку. Он не злился, скорее, немного запаниковал. Я хоть и посмотрела на него виновато, но книгу не отдала. Рисунок со мной и вихрем не давал мне покоя, и я не смогла удержаться:

– Ты *так* меня видишь?

Бэйл напрягся еще больше:

– Нет. Так ты выглядишь на самом деле.

Я посмотрела вниз, на рисунок. Лицо этой девушки было мне незнакомо, хотя это была точная копия меня. Но чувствовалось в ней что-то... теплое, мирное, стойкое, чего я у себя не замечала.

Бэйл взял у меня из рук свою книгу и бросил ее на кровать. Затем тихо вздохнул:

– Перед прыжком в вихрь... ты выглядишь именно так.

Я покачала головой. Бэйл взял меня за подбородок, и я заставила себя не отводить взгляд.

– Если ты хочешь что-то обо мне узнать, – произнес он, – просто спроси.

– А ты разве ответишь? – выпалила я.

Бэйл, казалось, замешкался:

– Ну конечно.

– Я даже не знаю, с чего начать, – призналась я. – Я так мало о тебе знаю. Я даже не предполагала, что ты умеешь рисовать.

Бэйл положил руки мне на талию и притянул к себе:

– Я рисую только тогда, когда у меня слишком много всего скапливается в голове. Это... это как если бы я перемещал часть проблем на бумагу, понимаешь?

Я подумала о рисунках, на которых была изображена Сьюзи, беззаботно и счастливо плавающая в воде. Мы оба знали, что этого никогда больше не случится. Кураториум ставил над ней опыты и навсегда уничтожил ее способность жить под водой.

А Бэйл был тем человеком, который поймал ее и забрал в кураториум. Еще в то время, когда Варус Хоторн был для него словно отец. Я легко могла представить, какую вину испытывал Бэйл, когда рисовал эти рисунки.

Я тоже положила руки ему на талию и ощутила жар его еще мокрого тела.

– Если у тебя слишком много всего скапливается в голове, ты можешь поговорить со мной, – сказала я. – Ты ведь доверяешь мне?

– Доверяю, – подтвердил Бэйл. Он помедлил минуту, затем продолжил: – Просто мне не очень легко дается полагаться на кого-то, кроме себя. За последние годы я вынужден

был рассчитывать только на свои силы. Мои решения были единственным, чему я мог доверять.

– Но ведь мы хороши, – отреагировала я. – Вдвоем. Не так ли?

– Да. – Он улыбнулся, но не выглядел особо счастливым.

– Бэйл...

Он скорчил гримасу:

– Я просто не люблю, когда ты подвергаешь себя опасности. Да еще ради людей, для которых ты ничего не значишь. И тогда в Нью-Йорке... Я попытаюсь, конечно, привыкнуть к этому, но...

Я уже поняла, что он намекал на Пулмана. Мы не разговаривали об этом с тех пор, как вернулись в Санктум.

– Я хотела ему помочь, – сказала я. – По крайней мере, попытаться. Но ты не дал мне ни единого шанса.

Бэйл немного ослабил хватку на талии, но тут же пригвоздил меня к месту взглядом своих голубых, как лед, глаз.

– Твоя попытка могла тебя убить. Элейн, пойми: если я должен принять решение и выбрать между жизнью штурмана, которого я даже не знаю, и твоей жизнью, то мое решение будет однозначным. – Он положил руку мне на затылок, а другой нежно провел по виску. – Если с тобой что-то случится, я никогда себе этого не прощу. Ты что, все еще не поняла, как много для меня значишь?

От этих слов мое сердце учащенно забилося. С того момента на пляже, когда он признался, что влюблен в меня...

с того момента, казалось, прошла целая вечность. Тогда мы оба чудом избежали смерти, и с тех пор он никогда больше не говорил мне о своей любви. Мы постоянно находились в дороге, у нас была куча дел. И часть меня все время задавала себе вопрос: не раскaiвался ли Бэйл в своем признании?

Я спрашивала себя, хотел ли такой человек, как Бэйл, который всеми силами держался за одиночество, вообще ко-го-нибудь любить?

– Элейн? – спросил Бэйл, наклонив голову.

– Я не знала... – начала было я, ненавидя себя за то, как тихо звучал мой голос.

– Не знала что?

– Что ты тогда говорил всерьез, что ты... ну...

– Что? Что я тебя люблю? – спросил Бэйл.

Мои щеки покраснели. Мне казалось, что я вспыхну сей-час прямо как Лука.

– Барби, – произнес Бэйл, и его улыбка уже не казалась такой печальной. – Я люблю тебя. Я люблю тебя больше всего на свете.

Я покачала головой и прижалась лбом к шее Бэйла. Мне так хотелось быть смелее и сказать ему, что я чувствую то же самое. Что он был для меня целым миром. Несмотря на его тайны, его закрытость. За короткое время Бэйл стал центром всей моей жизни.

Но каждый раз, когда я хотела сказать ему об этом, мне становилось очень страшно. Страшно, что вселенная может

забрать его у меня, если я признаюсь, как он для меня важен. Точно так же, как случилось с моей мамой. И с Гилбертом. И почти случилось с тетей Лис.

Когда впускаешь кого-то в свое сердце, чувствуешь боль оттого, что можешь его потерять.

Я просто прижалась к Бэйлу так крепко, как только было возможно физически, и поднялась на цыпочки, чтобы прикоснуться своими губами к его.

Каждый поцелуй кружил мне голову так, словно был первым.

Я упала в вихрь, резко повернула его в сторону и выпрыгнула так быстро, как могла.

Позади себя я услышала шаги и внутренне чертыхнулась. Как, черт побери, Бэйл смог так быстро нагнать меня? Его же только что нигде не было видно, а сейчас... Проклятье! Я сорвалась с места, по пути открыла еще один вихрь и запрыгнула в него.

Воздух закружил и катапультировал меня вперед. Я так быстро мчалась сквозь вихри, что видела вокруг себя только обрывки послеобеденного солнца и густого зеленого леса.

Черт возьми, я должна опередить Бэйла!

«Вихрь должен знать, что ты хочешь, прежде чем ты сама будешь знать об этом». Бэйл, словно молитву, говорил мне эту фразу перед нашими тренировками. Я пыталась воплотить ее в жизнь, но...

Чья-то рука схватила меня за плечо. Нет! Энергия вихря вокруг меня рассеялась и я выругалась. Две руки обняли меня сзади и дернули к земле.

Луг приближался стремительно, но приземлилась я мягко. Бэйл в самый последний момент вывернулся в сторону так, что спиной заскользил по траве, а я упала в его объятия. – Я тебя поймал, – сказал Бэйл.

– Как ты это делаешь? – выдавила я из себя и закатила глаза, потому что Бэйл тихо засмеялся мне на ухо. Кажется, он даже не запыхался.

– Ты слишком много думаешь. – Он постучал пальцем по моему виску. – Когда ты наконец научишься отключать свою голову, то никто и никогда тебя так быстро не поймает.

Я повернулась в объятиях Бэйла так, чтобы он хорошо видел, как я снова закатываю глаза.

– Ты хочешь сказать, никто кроме тебя, конечно же.

Бэйл провел пальцем по уголку моего рта, который, к сожалению, предательски дернулся.

– Нет. Поверь мне, в таком случае даже я не смогу с тобой соперничать.

Он это серьезно? Я очень сильно сомневалась, что смогу когда-нибудь превзойти его... Бэлиена Треверса, бегуна-легенду. Но даже если Бэйл говорил правду, не похоже было, что это его задело. Скорее, он выглядел так, словно гордился.

Гордился *мной*.

Я не могла не улыбнуться. А затем наклонилась и поцело-

вала его. Когда он так на меня смотрел, я не могла ничего с собой поделаться. Бэйл, слегка задыхаясь, издал удивленный звук, потом положил ладонь мне на затылок и крепко прижал к себе.

Мы остановились, только когда рядом с нами раздалось громкое покашливание.

Одного взгляда в сторону хватило, чтобы увидеть усмехающееся лицо Фагуса. Он сидел на берегу озера, на котором мы с Бэйлом оставили его перед прыжком в первый вихрь. Озеро граничило с поляной, расположенной недалеко от городской черты Санктума. Ее окружали дикорастущие заросли и, насколько мы были в курсе, о ней никто кроме нас не знал.

Все еще немного непривычно было видеть Фагуса без его волос-корней до плеч. Но с тех пор, как они с Лукой прикнули к рядам «Зеленого трепета», Фагус носил типично солдатскую стрижку – совсем без волос.

Зеленые глаза Фагуса мучительно долго оглядывали нас с головы до ног, а его усмешка становилась при этом еще шире.

– Кажется, тренировка для вас – это лишь очередной повод пообжиматься, не так ли?

Я подавила желание показать ему язык:

– Мы вообще-то тренируемся, в отличие от тебя, лентяй.

– Мне не нужно тренироваться, я одарен от природы, – произнес Фагус, снова усмехнулся и поднес ко рту свой де-

тектор.

– Как ты считаешь, Сьюзи? Похоже ли то, чем занимаются эти двое, на тренировку?

Сьюзи скользила в воде в нескольких метрах от берега и, казалось, испытывала самое большое удовольствие в своей жизни. Она еще раз проплыла на поверхности, потом ненадолго нырнула под воду. Я видела, что плотная ткань униформы, окутывающая ее дыхательный аппарат, сковывала ее движения, но Сьюзи, кажется, было все равно. Ведь она могла плыть.

Через несколько секунд две руки схватились за траву на берегу и из воды показалась Сьюзи. Ее лицо было полностью скрыто под маской, которую Сьюзи тут же стянула. Ее милое личико с бело-голубой кожей озарилось лукавой улыбкой.

– Хмм... Ну не знаю. Разве на тренировке не... тренируются?

Я, возмущенная предательством Сьюзи, оттолкнулась от Бэйла, схватила камешек и бросила в нее. Фагус за одну секунду отрастил из пальцев веточки и заблокировал мой бросок задолго до того, как камешек долетел до Сьюзи.

Я легла на спину, чтобы видеть над собой только голубое небо. Несмотря на постоянное подтрунивание, я очень любила находиться здесь, с Бэйлом, Сьюзи, Фагусом и Лукой – когда тот был рядом. Сейчас он, конечно, помогал Робуру в расшифровке видео из кураториума.

Когда мы два месяца назад прибыли в Санктум, то почти

каждый день проводили вместе. Благодаря своим шуткам и обаянию Луке удалось за короткое время подружиться почти со всеми обитателями гостиницы. Он всячески помывкал Аллистером и нравился даже Робуру, до сих пор принимавшему меня за чужака. Я часто видела, как он сидит по вечерам со Сьюзи или проводит дни с Фагусом, который помогал ему лучше овладеть способностями цюндера. У этих двоих были какие-то... *особые* отношения. Они часто дискутировали, спорили о еде, боролись за лучшее место на диване. В глубине души мне казалось, что они таким образом выражали друг другу свои симпатии.

Только с Бэйлом Лука никогда не был приветлив. Я не знала точной причины такого отношения, но предполагала, что ему не по душе была вся эта история с бегуном-перебежчиком. Он не верил Бэйлу, который много лет помогал Варусу Хоторну преследовать мутантов. Но Лука и я сами чуть не стали вихревыми бегунами. Если бы «Красная буря» не совершила нападение на кураториум в Новом Лондоне, мы бы тоже охотились на мутантов. И были бы несколько не лучше Бэйла в прошлом.

В поле зрения появилась большая черная собачья голова. Я улыбкулась, вытянула руку и погладила бархатную черную шерсть, которая тут и там проросла мхом.

– Ну что, тебе скучно?

Атлас дышал, высунув язык, и отчаянно вилял хвостом. Когда ему показалось, что моих поглаживаний достаточно,

он наклонился к Бэйлу. При этом так сильно тыкал в его волосы мордой, что все их растрепал.

– Ты самый занудный зануда на этой планете, – пробормотал Бэйл.

– Мне кажется, он все еще обижается на тебя за то, что ты не взял его с собой.

– Ага, и мы тоже, – сказал Фагус. Его корни исчезли, а пальцы приобрели обычный вид, правда, немного испачкались в земле.

Бэйл отодвинул Атласа в сторону и сел:

– Нью-Йорк был...

– ... заданием для бегунов во времени, – одновременно закончили за него Сьюзи и Фагус и засмеялись.

Сьюзи полностью вылезла из воды и расплетала свою толстую черную косу, которая совсем примялась под капюшоном. Затем она вытащила перчатки и раскатала обратно рукава куртки. Наверно, ужасно было носить такую тяжелую униформу при такой жаре, но без нее Сьюзи не могла находиться в воде.

После многолетних опытов кураториума она могла дышать только с помощью сложного аппарата, который вынуждена была носить на груди. И только когда Аллистер сшил для нее пончо из неопрена, защищавшее аппарат, она могла – пусть всего несколько часов – побыть под водой. – В следующий раз Лука и я пойдем вместе с вами, – произнес Фагус. Бэйл никак не отреагировал на его слова, и Фагус пу-

стил по земле корень, который ткнул того в бок. – Я серьезно, Бэйл. Мы тоже часть «Зеленого трепета». Судя по вашим рассказам, в Нью-Йорке вы были на грани. Кураториум ищет вас повсюду. Не нужно воспринимать это слишком легкомысленно.

Раздался шум, и я посмотрела на заросли, через которые пролегал путь в Санктум. Ветки раздвинулись. Я увидела рыжую шевелюру и сразу поняла, кто это был, прежде чем Лука вышел из кустарника. На нем был фартук из мастерской Робура.

– Вот вы где! – произнес он, задыхаясь. – Я вас повсюду ищу.

– А что случилось? – спросила Сьюзи.

– Натаниэль хочет встретиться с вами на дереве собраний. Для приватной беседы. И как можно скорее.

Я скорчила гримасу. Натаниэль всего несколько недель был главой Санктума, но с тех пор, как мы с Бэйлом открыли зоны, он стал вести себя еще более по-королевски. Как будто освобождение мутантов было его заслугой, а не Бэйла. А теперь он даже созывал нас на приватную аудиенцию.

– Это из-за видео? – обеспокоенно спросил Бэйл, вставая на ноги.

Лука сжал губы. Я так хорошо его знала, что по одному этому жесту поняла: его следующие слова совсем мне не понравятся.

– Мы раскодировали его. И... потом Робур передал его

напрямую Натаниэлю.

Я внутренне застонала. Робур обещал, что даст посмотреть видео сначала нам. Не стоило ему верить.

А теперь ничего другого не оставалось. Придется выслушать, что по этому поводу думает Натаниэль.

6

Новое дерево собраний, к которому мы направлялись, было огромным. И хоть не таким огромным, как то, в котором Натаниэль был избран главой Санктума, но достаточно большим, чтобы накрывать тенью весь центр города.

После того, как Санктум был уничтожен кураториумом, грундеры просто-напросто выстроили его заново в другом месте. С тех пор мы уже два или три раза переезжали с места на место, и каждый раз в центре города вырастало огромное дерево собраний.

Новые помещения в дереве возникали всего за одну ночь, балконы, выступающие за пределы дерева, вырастали словно бы из ниоткуда, ветки протянулись далеко к другим деревьям, соединяя кроны между собой, так что весь город превратился в единое сплетение ветвей и корней.

Бэйл вошел в зал приемов, а я немного задержалась на пороге, засмотревшись на толпу грундеров. Зал был полон солдат «Зеленого трепета». Так же как у Фагуса, у них на головах была только тонкая полоска волос, тянувшаяся по их бритым наголо головам от лба до затылка.

Солдаты толпились повсюду, в каждой выпуклости дерева, и о чем-то яростно спорили, перебивая друг друга. Шум стоял адский. Я даже ощущала, как под ногами вибрировал деревянный пол – настолько злыми, как мне показалось, бы-

ли солдаты. Только при виде меня и Бэйла толпа утихла. На нас уставилось множество пар зеленых глаз.

Я узнала грундеров из городского совета Натаниэля, а также некоторых из недавно назначенных генералов. Каждый из них отвечал за какую-то территорию и приводил туда мутантов, которые за последние недели вступили в ряды «Зеленого трепета». Генералы подчинялись исключительно Натаниэлю. Я видела их всего несколько раз, во время обсуждений текущего положения дел.

– Разве это не должна быть частная аудиенция? – тихо спросила я Бэйла, но, прежде чем он мне ответил, к нам направилась одна из грундеров. Во внезапно наступившей тишине ее шаги эхом отдавались в огромном помещении внутри дерева.

Она была высокого роста, с бритой головой, а над символом «Зеленого трепета» у нее виднелась звезда – знак того, что она была генералом. Ее зеленые, как мох, глаза сосредоточились на мне.

– Пойдемте, – не очень вежливо обратилась она к нам. – Натаниэль уже ждет вас.

Натаниэль сидел в роскошном кресле в личных покоях. Перед ним возвышался массивный деревянный стол, за ним висели мониторы, которые образовывали один огромный экран. На стенах виднелись крепления для детекторов, которые вывезли из открытых зон.

Мне показалось, что Натаниэль с каждым днем обвешивал

вал свое тело все большим количеством украшений. Его уши были проколоты многочисленными серьгами- гвоздиками и серьгами-кольцами, а на каждом его пальце было как минимум по одному кольцу. Изящные цепочки украшали его шею, и даже в его дредах, частично переходящих в сплетение корней, то тут, то там поблескивало что-то золотое.

Вокруг него в комнате все тоже сверкало и блестело, словно в тронном зале. Пол украшали богатые ковры, а освещала комнату хрустальная люстра.

В комнате находились еще восемь или девять грундеров из числа генералов. Одни сидели на стоящих вокруг стульях, другие стояли, сложив на груди руки. И у каждого из них было крайне серьезное выражение лица.

Натаниэль подозвал нас к себе, махнув рукой:

– Друзья мои! Как здорово наконец-то видеть вас. И снова ваша миссия удалась. Мы благодарны вам до глубины души.

Бэйл явно не придавал большого значения слащавым речам Натаниэля. Я чувствовала то же самое. С Натаниэлем я была знакома довольно долго, но до сих пор не знала, чего от него ожидать.

Он был самым влиятельным лидером грундеров. Мы только потому и познакомились, что ему удалось убедить Гилберта – тогда главного штурмана кураториума – помочь с освобождением мутантов из зон. Натаниэль многое делал для грундеров и для Санктума. И все же при общении с ним у меня всегда возникало чувство, что он преследует свои лич-

ные интересы.

– Нам сообщили, что ты хотел с нами поговорить. – Бэйл сделал шаг вперед. – О новости, которую мы принесли.

Натаниэль натянуто улыбнулся:

– Все так. Ты прав. Давайте не будем терять время. – Он поднялся, его золотые цепочки покачнулись в такт движению. – Робуру удалось расшифровать видео. И то, что мы на нем увидели, очень и очень нас обеспокоило.

Он постучал по одному из мониторов, из-за чего ожили все остальные, и перед нами появилось изображение высотой примерно в метр. Я едва не отпрыгнула назад от испуга – прямо передо мной возникло лицо Варуса Хоторна.

Казалось, что его янтарные глаза смотрят только на меня. Я не видела его с тех пор, как он, стоя на крыше кураториума в Нью-Йорке, приказал мне доставить его сына в две тысячи двадцатый год, чтобы разрушить Вихрь- прародитель и тем самым предопределить смерть всех мутантов.

С того дня, как его избрали верховным главой, он всегда носил строгую униформу с воротником-стойкой до самого подбородка. На его груди красовалась серебряная брошь с *Convectum* – символом кураториума. Единственным, что изменилось, были его волосы. Они потеряли свой светлый оттенок и выглядели почти белыми.

Хоторн сидел за письменным столом в бюро руководителя, за ним находилась стеклянная стена с видом на Новый Лондон.

Значит, это было правдой. После пожара они снова открыли наш институт.

Еле уловимую тоску, которую я ощутила при виде Нового Лондона, тут же заменил страх. Я боялась того, что мы должны были сейчас услышать.

Натаниэль легким движением пальца включил видео. Внизу экрана появились еще семь окон с лицами. Я сразу их узнала – это были другие руководители кураториумов. Они подключились к видеоконференции со всего мира. Не хватало только руководителей из Токио и Мехико-Сити. На руководителях были униформы фиолетового цвета. И только униформа Хоторна была идеально белая.

– Благодарю вас за то, что вы смогли подключиться за такое короткое время, – произнес Хоторн, и остальные руководители кивнули.

– Само собой, господин верховный глава, – сказала женщина с туго стянутыми в пучок волосами.

Она была руководителем института в Каире. Остальные присоединились к ней, произнеся пару слов в том же духе.

У меня мурашки пробежали по коже. Я впервые осознала, насколько руководители кураториумов подчинились Хоторну. До этого все десять руководителей находились на одном уровне и решения принимались только тогда, когда *все* были едины в своем мнении. Теперь мне стало очевидно, что учитывалась только одна точка зрения.

Хоторн оперся локтями о письменный стол и сложил руки

В замок:

– Как вы все знаете, беспокойные времена остались позади. Сначала мы пережили предательство в собственных рядах. К именам Бэлиена Треверса и Элейн Коллинз мне больше нечего добавить. Затем это открытие зон на восьми территориях... С тех пор мутанты ринулись в незащищенные районы и захватывают все, что встречается им на пути. И наконец, – Хоторн сжал зубы, – падение Мехико-Сити и Токио под натиском террористов «Красной бури».

Хоторн сделал паузу. Взгляды остальных руководителей были сосредоточены и полны беспокойства.

– Новый предводитель «Красной бури» все еще не показал нам свое лицо, но от этого опасность только увеличивается. Мы не знаем, кто стоит у руля, мы не знаем, чего он хочет. Мы только знаем, что «Красная буря» несет хаос и страдания, где бы она ни появилась. Даже внешне мирный «Зеленый трепет» под руководством Натаниэля Джиллеспы вот уже несколько недель осаждает наши города. Грундеры воруют наше сырье, препятствуют импорту и экспорту и при этом еще осмеливаются вступать с нами в переговоры.

Один из генералов презрительно фыркнул, но Натаниэль поднял руку, призывая того к тишине.

– Мои уважаемые руководители, – продолжил Хоторн. – Я знаю, что последние недели потребовали от вас и ваших подчиненных много сил. Каждый из нас кого-то потерял – коллег, друзей, семью. Я сам оплакиваю потерю своего сына,

погибшего в борьбе с Треверсом и Коллинз.

Хоторн замолчал на несколько секунд, в то время как остальные руководители сочувственно кивали головами.

Я отвернулась. В последние недели я запретила себе думать о Хольдене Хоторне. О том, как он умер. И о том, какую роль в этом сыграла я.

– Я благодарен вам, – продолжал Хоторн, – а также вашим вихревым бегунам, вашим охранникам зон, вашим штурманам – каждому, кто посвящает нашему делу каждый день своей жизни. Я обещаю вам, что ваши жертвы были не напрасны. Потому что это ваш вклад, который дает нам дополнительное время для того, чтобы стать хозяевами положения. И мы таковыми обязательно станем!

Хоторн убрал руки со стола и поднялся. На экране появились две фигуры, и я чуть не упала, когда я поняла, *кто* встал рядом с Хоторном.

– Это невозможно, – услышала я голос Бэйла.

Но это было так. Потому что перед нами на экране предстали Мия Розе Ланкастер и Тревор Оглби. Вплоть до этой секунды я думала, что их жизни на моей совести.

На Треворе была гладкая синяя униформа бегуна, но выглядел он не таким, каким я его помнила. Крупный, мускулистый парень с короткостриженными волосами вернулся из нашего совместного путешествия с явными повреждениями. Левую сторону его лица покрывали тяжелые ожогами, а левый глаз закрывала повязка. И только мрачное выражение

его лица, полное решимости, осталось прежним. Я вспомнила, как сильно Тревор ненавидел мутантов.

Мия, напротив, казалась воплощением света. На ней была униформа, которой я еще никогда не видела. Она переливалась оттенками золотого: иногда выглядела почти черной, как униформа охранника зон, а иногда сверкающей, как отполированный золотой слиток. Ее платиновые волосы были искусно заплетены в косу, ее губы были накрашены розовой помадой. Мия сладко улыбнулась, попав в объектив камеры.

Хоторн положил одну руку на плечо Мии, другую – на плечо Тревора.

– Что стоит за этими двумя отважными молодыми бегунами, вы все уже знаете. Вместе с моим сыном они путешествовали через вихри с места на место и сквозь время. И вот они снова вернулись к нам со свежими силами. Эта девушка... – Хоторн подтолкнул Мию вперед, – будущее кураториума. Она – первая в новом поколении вихревых бегунов.

Все руководители слегка наклонились вперед, их лица выражали любопытство. Хоторн еле заметно кивнул Мии. Та, немного нервничая, вытянула вперед свою руку и...

Я не поверила своим глазам. Я не могла в это поверить!

Между пальцев у Мии возникло мерцание, сначала очень слабое, но становившееся все ярче.

Она явно напрягала все свои силы. Ее пальцы дрожали от напряжения, лицо покраснело, а вихрь, появившийся у нее в руке, был размером с тарелку, не более. И все же.

Мия создала вихрь.

– Бегуны во времени, – произнес Хоторн с явным удовольствием. – Я знаю, это слово многим из вас еще непривычно слышать. Бегуны во времени способны перемещаться через вихри так, как не умеют наши бегуны. Им не придется ждать, пока штурманы найдут для них вихрь, они смогут создавать их сами. Они смогут направлять их в любое место и в любое время. И эту власть, уважаемые руководители, мы используем нам на пользу, чтобы отвоевать наш мир обратно. Придет время, когда судьба земли после всех этих десятилетий снова окажется в наших руках!

Мия и Тревор встали по стойке смирно, вихрь в руке Мии исчез.

– Мы пережили беспокойное время, – продолжил Хоторн, – но теперь все будет иначе. Потому что эти мужественные молодые бегуны отправляются на миссию... нашу последнюю миссию. Ради нас они отправятся в самое опасное место на планете, чтобы оттуда переместиться сквозь пространство и время. Они возьмут на себя этот риск, потому что их задача – исцелить наш мир! И это исцеление будет окончательным, я обещаю вам. Скоро наступит мир – в каждом городе, в каждом регионе, везде.

На лицах руководителей я увидела воодушевление. Облегчение оттого, что Хоторн пообещал им решение кризиса на Земле. И я впервые осознала, насколько мы были далеки от мира между людьми и мутантами.

– Каждое движение происходит во времени и имеет свою цель, – произнес Хоторн, и руководители покорно повторили эту фразу:

– Каждое движение происходит во времени и имеет свою цель, господин верховный глава.

Затем все лица на мониторе застыли. И я оцепенела при виде довольной улыбки Хоторна.

Он не собирался сдаваться и продолжал претворять в жизнь свой план. Он снова хотел послать в две тысячи двадцатый год вихревых бегунов – и теперь мы с Бэйлом были ему не нужны. Он справится и без нас.

Сердце у меня стучало так быстро, что я едва могла стоять на ногах.

– Мы все знаем, что он не будет с нами возиться, – пробурчал один из генералов Натаниэля.

По нему и по другим было видно, что они уже не в первый раз смотрят это видео, и я прокляла Робура за то, что он передал его Натаниэлю, не поговорив сначала со мной и с Бэйлом.

Натаниэль кивнул головой:

– Варус Хоторн хочет искоренить любое проявление смещения в мире, а заодно и нас. Он хочет убить нас – не больше и не меньше. – Он посмотрел на меня. – За последние недели мы сделали все для того, чтобы перетянуть на нашу сторону людей. Мы протянули им руку дружбы, но они ударили нас по этой руке. И все должны знать, что наш хрупкий

мир рухнул именно из-за кураториума, а не из-за нас.

Генералы единодушно закивали головой, пробормотав слова одобрения, но внутри меня все сжалось. Неужели Натаниэль всерьез хотел рассказать жителям Санктума о плане Хоторна? Или он пойдет еще дальше и расскажет об этом грундерам «Зеленого трепета», которые в данный момент располагались возле мегаполисов? Этого ни в коем случае нельзя было делать! Если мутанты узнают, что планирует кураториум, это приведет к открытому противостоянию, в этом я была уверена.

Вперед вышла одна из генералов – та, что привела нас к Натаниэлю. Голос ее звучал резко:

– Каждая попытка вступить в контакт с верховным главой оставалась без внимания. Варус Хоторн отказывается разговаривать с нами на равных. Поселения, которые мы возвели возле городов, в последнее время снова и снова подвергаются нападениям.

– А этим видео кураториум доказывает, что снова хочет плюнуть нам в лицо. – Натаниэль посмотрел в нашу сторону. – В общем, я хочу спросить вас: есть ли у нас другой выбор? Я считаю, что война неизбежна.

– У нас был план, – подчеркнуто спокойно произнес Бэйл. – Когда мы с Элейн согласились открыто выступать на стороне «Зеленого трепета», ты обещал нам, что будешь поддерживать мирное решение вопроса.

– Это было до того, как кураториум снова распорядился

нас уничтожить, верно? – Натаниэль потер лоб. – Мы надеялись, что люди поймут, что мы им не враги. Мы надеялись, что если покажем им, что у нас нет намерений навредить, то города откроют свои ворота. Но мы, очевидно, были слишком доверчивы.

– Но прошло всего несколько недель, – вмешалась я. – Людям нужно время, чтобы привыкнуть к ситуации.

Один из генералов, крупный мужчина, у которого полоска волос на бритой голове заросла листьями плюща, хотел что-то возразить. Но Натаниэль поднял руку, и генерал промолчал.

– Сколько времени? – спросил меня Натаниэль. – Месяцы, годы?

– Я знаю, это не звучит воодушевляюще. Но ведь Токио...

– Токио – это исключение. И наши информаторы на местах говорят мне, что мутантов снова пытаются вытеснить оттуда. – Натаниэль в задумчивости покрутил кольцо на пальце. – Мне хочется, чтобы наша деятельность приносила плоды. Но в сложившихся обстоятельствах я не вижу иного выхода: мы вынуждены отправиться в Новый Лондон и устранить девушку, прежде чем она начнет свое путешествие.

– И как ты себе это представляешь? – поинтересовался Бэйл. Я впервые услышала в его голосе беспокойство. – Эта девушка – бегун во времени. И ты должен знать, что это означает: она может исчезнуть вместе со своим вихрем тогда, ко-

гда захочет!

Кажется, эти слова Натаниэля не смутили:

– Я думаю, вы недооцениваете, какое влияние имеют ваши действия. Благодаря вам мутанты со всего мира смогли выбраться из своих укрытий. «Зеленый трепет» активен на каждой территории, в каждом мегаполисе. Наша армия стала больше армии «Красной бури». Мы можем войти в Новый Лондон в любое время и так быстро, что они не успеют среагировать.

Я недоверчиво покачала головой. Неужели Натаниэль говорил это все всерьез? Одно дело, когда мы с Бэйлом проникаем в Нью-Йорк тайно, другое дело – нападать в открытую.

– Ваша защита не так непреодолима, как вы думаете, – произнес Натаниэль. – Мы готовы.

– Готовы к чему? – спросил Бэйл. – Ты же не хочешь на самом деле начать войну против всего кураториума?

– Не мы хотим этой войны. Ее хотят люди.

– Да без разницы! – воскликнула я. – Каждая война проходит по одному и тому же сценарию! Неважно, кто делает первый выстрел, неважно, справедлив ли этот выстрел – он в любом случае спровоцирует остальные. И тогда умрет бесконечное количество людей! Ты действительно хочешь запятнать свои руки их кровью?

– Мои руки останутся чистыми, – произнес Натаниэль с кислым выражением лица. – Любая пролившаяся кровь будет на совести вашего верховного главы.

«*Вашего* верховного главы». В этот момент я просто ненавидела Натаниэля. Бэйл успокаивающе положил мне руку на плечо, и только сейчас я почувствовала, что на моих ладонях сверкала настоящая буря. Вихревая энергия бушевала между пальцев так сильно, что растрепала мне волосы.

Я должна была остановить Натаниэля. Открытое нападение, особенно если оно исходило от мутантов, которых люди воспринимали как более миролюбивых, могло переполнить чашу терпения. Это разрушит любые надежды на мир.

– Ты прав, Натаниэль. Мы должны устранить эту девушку, – произнес Бэйл, чем заслужил мой полный недоумения взгляд.

Его лицо словно застыло. Уверена, он заметил мою реакцию, но все же проигнорировал меня.

– Но дай нам сделать это не в Новом Лондоне. Мы с Элейн разорвали единственный действующий рифт, с помощью которого можно было достичь Вихрь-прародитель. Если Хоторн не блефует, он нашел к нему новый путь... вот там мы и подождем бегуна во времени и вырубим ее.

«Вырубим». Он произнес это так легко, словно не собирался уничтожить чью-то жизнь. Словно не говорил о том, что собирается убить Мию.

Натаниэль, однако, задумался:

– Ты думаешь, что сможешь найти этот новый портал во времени... прежде, чем эта девушка и ее бегуны начнут свое путешествие?

– Ты меня знаешь, – ответил Бэйл. – Я лучший в своем деле.

Натаниэль улыбнулся:

– Но не самый скромный.

– Эта девушка не знает, как обращаться со своим умением, – объяснил Бэйл. – Ты сам видел – демонстрация ее силы выглядела смешно. И все же я клянусь, что тебе никогда не удастся заполучить ее в свои руки. Если ты нападешь на Новый Лондон, ее предупредят и она просто сбежит. И тогда ты проиграешь. И неважно, возьмешь ты город или нет. Поверь мне, Натаниэль, единственный шанс спасти всех вас состоит в том, чтобы использовать наше преимущество. Хоторн даже не подозревает, что мы знаем о его плане. Нам нужно заманить девушку-бегуна в ловушку. А это можем сделать только мы с Элейн.

В комнате наступила тишина. Лица генералов были непроницаемы. Натаниэль стучал пальцами по детектору и молчал так долго, что моя нервозность достигла пика. Бэйл снова посмотрел на меня, и я знала, что он спросит, еще до того, как он открыл рот.

– Ты допускаешь ее смерть? Смерть своей бывшей подруги?

Мия Розе Ланкастер никогда не была моей подругой. Когда мы учились, она часто высмеивала меня и терпеть не могла Луку. А еще добровольно сдала меня в плен Варусу Хоторну.

И все же какое-то время она была на моей стороне и так же, как и я, надеялась изменить мир к лучшему, став вихревым бегуном. Но ни для кого вокруг это не играло роли.

Я чувствовала на себе взгляд Бэйла. И снова он не оставил мне никакого шанса.

– Да, – выдавила я. – Я допускаю.

Натаниэль указательным пальцем потер гладкий подбородок:

– Ну хорошо. Я даю вам три дня – семьдесят два часа. – Он смотрел то на меня, то на Бэйла. – Но я хочу, чтобы вы предоставили мне доказательства ее смерти, слышите? А пока мои генералы, – он кивнул в сторону мужчин и женщин, – все готовят. Они соберут мутантов под воротами городов... и только когда я получу доказательство смерти этой девушки, я сообщу им, что нападения на мегаполисы не будет.

С этими словами Натаниэль повернулся, подошел к своему шикарному креслу и уселся в него.

– Варус Хоторн считает, что имеет на руках козырную карту, против которой мы ничего не можем сделать, – произнес он. – Но мы не уйдем молча. Прежде чем они сотрут нас с лица Земли, я потрясу их до основания. – Изумрудно-зеленые глаза Натаниэля посмотрели сначала на меня, затем на Бэйла. – Если через три дня я не получу от вас никаких вестей, я объявлю человечеству войну.

Нигде звезды не сияли так ярко, как здесь, на террасе на крыше гостиницы.

Я лежала в одном из гамаков, которые Робур и Аллистер повесили после последнего переезда, и смотрела в ночное небо, которое проглядывало сквозь пышные кроны деревьев. Зрелище захватывало дух.

Моя мама всегда говорила мне, что настоящее ночное небо, не скрытое за смогом большого города, выглядит так, будто художник покрыл каждый миллиметр белыми пятнами краски. Она любила завернуться вместе со мной в одеяло перед нашим домом в лесу и наблюдать за звездами. А я любила слушать звук ее голоса, когда она рассказывала мне о созвездиях.

Там наверху ничего не изменилось, подумала я. Смешение, произошедшее на Земле, для остальной Вселенной прошло абсолютно незаметно. Звезды были такими же, как и сто, двести, тысячу лет назад.

Погруженная в свои мысли, я прикоснулась к медальону, который оставила мне мама и в котором была ее единственная фотография. Мне ужасно ее не хватало, хотя со дня ее смерти прошло уже много лет. Я снова и снова спрашивала себя: если бы она увидела меня сегодня, что бы она подумала? Гордилась бы она мной? Или разочаровалась бы во мне?

Я так долго видела в мутантах врагов. Из-за нее. И я решила найти тех, кто был причастен к ее смерти.

Но я больше не могла этого сделать. Поиски убийцы с самого начала были обречены на провал. Я ничего о нем не знала, а когда пыталась вспомнить что-то из событий того дня, у меня в памяти всплывали только неясные очертания.

Я вздохнула, закрыла глаза и попыталась отпустить воспоминания. Если я чему-то и научилась, так это тому, что не нужно все время думать о прошлом. Особенно когда наше будущее было таким неопределенным.

Разговор с Натаниэлем состоялся несколько часов назад, но я все еще не могла успокоиться. Он говорил серьезно. Если мы не поймаем Мию, он нападет на мегаполис. И тогда начнется война.

Когда мы рассказали обо всем Лис, Робуру, Аллистеру и остальным, все притихли. Не только потому, что решение Натаниэля их шокировало, но и потому, что знали: им придется снова отпустить нас одних на опасное задание.

На прощание тетя Лис молча обняла меня, игнорируя при этом мои невнятные оправдания, что не нужно обо мне беспокоиться. А я делала вид, что не замечала, как померкли ее глаза.

Мой рюкзак лежал рядом. Я сложила в него палатку, запасы еды, аптечку, разные принадлежности для бегунов, вроде мыла, фильтров для воды, термоодеяла и снаряжения для скалолазания и погружения в воду.

Вещи были не новыми и все являлись контрабандным товаром из зон, но я использовала их уже три раза: все функционировало. Нам не хватало только времени.

Натаниэль дал нам семьдесят два часа, чтобы мы представили ему доказательство смерти Мии. Я установила на своем детекторе точку отсчета. Наши приготовления уже стоили нам нескольких часов. Сейчас оставалось шестьдесят четыре.

И как нам быстро найти Мию? Мы понятия не имели, куда мог послать ее Хоторн.

Едва мы покинули дерево собраний, как Бэйл вызвал на своем детекторе карту времени. Если Хоторн не блефовал и действительно хотел послать Мию в прошлое, это означало, что его штурманы нашли рифты времени, которые не были обозначены на карте Бэйла. Вопрос был в том, как нам выяснить, где они находились.

Бэйл спроецировал карту со своего детектора в воздух. Миллионы синих огней образовали континенты нашей планеты. Я видела границы десяти территорий и относящиеся к ним города. Между ними мерцали многочисленные точки зеленого цвета.

Эти точки отмечали рифты – порталы, через которые можно было направить вихри в прошлое. Бэйл в свое время нашел их для кураториума и обозначил на карте времени. Тогда он был еще ребенком и Хоторн понимал, что Бэйл во время своих путешествий мог запросто погибнуть.

Бэйл разработал отличную систему. Он объяснял мне ее таким образом: не существовало одного-единственного рифта, который мог бы привести бегуна в две тысячи двадцатый год, потому что ни один человек не смог бы пережить такой длинный прыжок. Вместо этого путь прокладывался через несколько рифтов, каждый из которых перемещал бегуна максимум на девять лет назад. Так, с помощью нескольких прыжков, и можно было оказаться в далеком прошлом.

Система Бэйла была превосходной, хотя со временем карта времени пришла в негодность, потому что мы с ним разрушили часть этой цепочки. С тех пор не существовало пути, по которому можно было попасть в две тысячи двадцатый год. Была, конечно, еще одна возможность добраться до прошлого – с помощью воспоминаний, но Мия была слишком неопытна и молода, чтобы суметь сделать это и попасть в нужный год.

Так куда же, черт возьми, Хоторн хотел послать Мию?

Я открыла глаза и окинула взглядом звезды. Я заставила себя избегать всяческих мыслей о своей бывшей конкурентке. И у меня это получалось, по крайней мере, пока пустота не образовывала место для новых картин. Картин умирающих вихрей, которые превращались в схемы, а затем в лицо.

Лицо Хольдена Хоторна.

Слова отца о его смерти снова взбудоражили во мне чувства: я вспомнила искаженное от ужаса лицо Хольдена, которое на протяжении многих ночей преследовало меня во

снах. Я снова винила себя за то, что он погиб.

А сейчас... могла ли я всерьез отправиться на миссию, чтобы убить свою бывшую однокурсницу? Убить хладнокровно?

– Я так и думал, что найду тебя здесь, – раздался голос слева от меня. На балюстраде возник Бэйл. На нем уже была синяя униформа бегуна, а в руке он держал рюкзак.

Пора идти.

Я уселась как смогла в гамаке и провела рукой по волосам, проверяя прическу. Она, конечно же, растрепалась, поэтому я стянула резинку, и волосы упали на плечи. Бэйл скользнул по ним внимательным взглядом. У него всегда было такое выражение лица, когда я распускала волосы. А делала я это редко.

– Лука и Фагус уже готовы? – спросила я, на что Бэйл кивнул.

– Они уже ждут на поляне.

Стало сразу понятно, что эти двое будут нас сопровождать. Перед нами стояла задача, с которой мы не справились бы вдвоем. В конце концов, нам придется столкнуться не только с Мией и Тревором, но и со всем кураториумом, который будет их защищать.

Бэйл предпочел бы взять с собой только Фагуса. Ему он доверял, вместе они на протяжении многих лет выполняли задания Натаниэля.

А вот Луке Бэйл довериться не мог. Потому что Лука, бу-

дучи цюндером, не мог в полной мере контролировать свои способности. Его взрывной темперамент часто брал верх.

И все-таки он был нашим самым сильным оружием, и не только благодаря умению призывать огонь. Лука знал кураториум. Его систему, его технику, работу его штурманов. И поэтому был необходим для выполнения этого задания. Не говоря уже о том, что он был моим лучшим другом. Я доверяла ему, точно так же как Бэйл доверял Фагусу.

– Может, посвятишь меня, наконец? – спросила я Бэйла, когда он помогал мне выбраться из гамака. – У тебя ведь давно есть свой план, верно?

Бэйл улыбнулся. Естественно, у него был свой план.

– Я думаю, что знаю, куда Хоторн отправит Мию, – признался он. – Если быть честным, я понял это еще при просмотре видео.

Это вообще меня не удивило. Но было в голосе Бэйла что-то такое, что я не могла себе объяснить. Как будто он одновременно чувствовал себя и облегченно, и озабоченно.

– Есть еще один путь из рифтов? – спросила я, хотя эта мысль показалась мне абсурдной. Я уже прекрасно поняла: Бэйл не допускает ошибок – особенно когда дело касалось вихревых прыжков.

– Я сейчас расскажу об этом всем, – сказал Бэйл, но вместо того, чтобы открыть вихрь, который доставил бы нас к лужайке, где нас уже ожидали Лука и Фагус, он замер на месте. Его рука, которой он помогал мне выбраться из гама-

ка, все еще лежала в моей. Его пальцы гладили мою кожу, и я догадалась, о чем он хочет меня спросить, прежде чем он это произнес.

– Если я попрошу тебя остаться здесь...

Я прижала палец к его губам и прикоснулась лбом к его лбу. Я знала, что происходит у него в голове. Он не хотел, чтобы я была там, когда он будет... *устранять* Мию. И он был прав: я не хотела это видеть. И уж тем более принимать в этом участие. Но мое нежелание никак не меняло того, что я должна была это сделать.

– ...то я скажу тебе, что мы одна команда, Бэлиен Треверс. Мы либо делаем это вместе, либо не делаем вообще.

Бэйл улыбнулся уголком рта. В первых лучах солнца его голубые, как лед, глаза казались почти бирюзовыми.

– Я верну нас домой, – сказал он и погладил меня по щеке. – Нас всех. Я тебе обещаю.

Вместе с Бэйлом мы направились на полянку за границей города, где договорились встретиться с Фагусом и Лукой.

По пути я быстро проверила спусковой крючок на своем сенсорном оружии. Мы получили его от Натаниэля. Это были новейшие модели – те самые, которые использовали вихревые бегуны в баре «The Merge». В этом новом оружии было место для нескольких типов боеприпасов. Пули вращались в прозрачном стволе, и их можно было менять по желанию.

В один из стволов Натаниэль зарядил гравитационные сенсоры. Во втором были настоящие боеприпасы. При мысли о том, что нам придется с ними сделать, мои пальцы начали дрожать.

Мы вышли на поляну, раздвигая ветви деревьев и мелкого кустарника. Было еще темно, и только слабые лучики света пробивались к нам сквозь кроны деревьев. Но этого было достаточно, чтобы увидеть, что на поляне нас ожидают не две фигуры, а три.

– Это еще что такое? – раздраженно спросил Бэйл.

Около Фагуса и Луки стояла Сьюзи. На ней тоже была униформа, а еще серебряная куртка, которую специально для нее сшил Аллистер. Все стало ясно.

Сьюзи сложила руки на груди и не мигая уставилась на Бэйла. Тот простонал:

– Ты с нами не пойдешь, Сьюзи.

– Это приказ? – язвительно поинтересовался Лука.

– У меня нет желания спорить с тобой, Вудроу, – сказал Бэйл. – Для этого у нас нет времени.

– Тогда не спорь.

Фагус подошел к Бэйлу, положил обе руки ему на плечи и заглянул в глаза.

– Натаниэль дал нам совсем немного времени. И если мы хотим найти бегунов Хоторна вовремя, нам потребуется любая помощь.

– Сьюзи, ты... не совсем здорова, – произнес Бэйл, и его

голос стал мягче. – Или ты забыла? А если с твоим аппаратом что-то случится? Что, если ты...

– Я знаю. – Обычно бледное лицо Сьюзи покрылось красными пятнами, но было в ее взгляде нечто такое, чего я никогда раньше у нее не замечала – решимость. – Я знаю, что аппарат ограничивает меня в возможностях, но я смогу это сделать.

– Сьюзи – единственный швиммер в Санктуме, – сказал Фагус. – Там, куда ты хочешь нас повести, Бэйл, она тебе очень пригодится.

Бэйл замер. У меня на лице, вероятно, тоже застыло изумленное выражение. Они что, знали о планах Бэйла? Ведь даже я еще не знала, куда мы направляемся!

Фагус усмехнулся:

– Просто Рыжий был так мил, что подсмотрел это на твоём детекторе.

Бэйл быстро перевел взгляд на Луку, который только пожал плечами:

– Мы все в одной сети, а ты не умеешь защищать свои данные, прямо как Гилберт. – Он усмехнулся. – И, кроме того, я гений.

Сьюзи закатила глаза, но даже это получилось как-то по-доброму. Бэйл проигнорировал Луку и подошел к ней:

– И как ты себе это представляешь? Что, если нам придется нырять?

– Я справлюсь. Я много тренировалась. – Сьюзи демон-

стративно ухватила за свою куртку.

– Сьюзи...

Фагус положил руку Бэйлу на плечо:

– Это тот момент, когда ты понимаешь, что проиграл, мой друг.

Бэйл в поисках поддержки посмотрел на меня. Я видела, как сложно ему было уступить. Он чувствовал себя ответственным за наши жизни. Если со Сьюзи что-нибудь случится, он обвинит в этом в первую очередь себя, в этом я была уверена.

– Это ее решение, – сказал Лука. – Не твое.

Я посмотрела на Сьюзи. С момента нашего знакомства она всегда только уступала, всегда думала в первую очередь о других. Но в этот раз ее глаза были полны отчаянной решимости.

Видимо, те же мысли крутились и в голове у Бэйла.

– Ну ладно, – сказал он. – Но если я скажу вам что-то делать, вы это сделаете, и неважно, понравится вам мое решение или нет.

Последние слова он адресовал Луке. Тот лишь бросил на Бэйла пренебрежительный взгляд, но Сьюзи слегка толкнула его, и Лука кивнул в знак согласия. Не преминув, однако, добавить:

– Как прикажет великий освободитель.

Бэйл сжал челюсти.

– Мы можем наконец обсудить наш план? – спросила я

максимально спокойно. – Видимо, я здесь единственная, кто еще не знает, куда мы направляемся.

Бэйл взглянул на свой детектор и что-то напечатал на нем. В темноте поляны появилась голограмма, но это была не карта времени с рифтами, а обычная карта мира.

– Дело вот в чем, – произнес Бэйл. – Всегда, когда я думал о том, как по рифтам можно путешествовать в прошлое, я исходил из своих правил. Не слишком дальние прыжки, достаточно времени на отдых, но... мне кажется, что я был настолько сфокусирован на *своих* действиях, что всегда игнорировал любую альтернативу. – Бэйл кивнул мне. – Помнишь, как Хоторн в видео говорил о том, что отправит своих бегунов в самое опасное место в мире?

Я кивнула. Хоторн еще сказал, что для них это не будет слишком большим риском.

Бэйл указал на точку посреди Карибского моря. Он увеличил эту часть карты, пока перед нами не возникло большое белое пятно.

– Мне кажется, он имел в виду это место.

Мой мозг тут же пробежался по всем географическим характеристикам. Это было качество, доведенное до автоматизма, которое я не могла выключить. Во время учебы в кураториуме мы год за годом изучали карту мира до самых мельчайших деталей. Вихревой бегун только тогда мог стать хорошим специалистом, когда знал, в каком месте процессы смещения так изменившие мир, проявлялись наиболее ярко.

Это белое пятно. Мы часто говорили о нем на занятиях.

– Но... эта часть Карибов считается утраченной, – сказала я.

Там, куда указал Бэйл, на несколько километров простиралось море, превратившееся в ледяную пустыню, и в этом районе бушевала постоянная снежная буря, сильная, как в Антарктиде. Насколько я знала, смещение там было настолько нестабильным, что весь ареал – область длиной в сотни километров, – стал абсолютно недоступным.

В мире было всего несколько регионов, которые кураториум официально признал утраченными. И этот регион был как раз таким.

– Так и есть, – согласился Бэйл. – Однажды я был там и это было... не очень здорово.

Он усмехнулся. Я предположила, что это был как раз один из тех случаев, когда он преуменьшал значение того, что Хоторн заставлял его делать.

– Когда ты еще был бегуном? – спросил Фагус, и Бэйл кивнул в ответ.

– Да. Меня посылали туда на протяжении семи лет, и мой детектор зафиксировал в этой ледяной пустыне многочисленные активности. И все они исходили от рифтов.

– Множество рифтов в одном месте? – удивился Лука. – А такое вообще возможно? Я думал, такое встречается крайне редко.

– Рифты возникают там, где Вихрь-прародитель особенно

сильно повлиял на мир, – пояснил Бэйл. – Хоторн тогда думал, что мы сорвали джекпот. Как же, место, полное рифтов. Он был убежден в том, что там мы сможем проложить сразу весь путь до две тысячи двадцатого года. Теоретически он, вероятно, был прав, но прыгать через эти рифты было бы чистой воды самоубийством. В том регионе царствуют природные силы, которые могут тут же убить каждого, кто подойдет слишком близко. Я всего один раз попытался пройти там с помощью вихрей... и больше даже не пробовал.

– И ты думаешь, что Хоторн пошлет туда *Мио*? – поинтересовалась я. – Ты сам сказал: у нее очень мало опыта.

– Это одна из отправных точек, которую мы имеем, – сказал Бэйл. – И единственный путь, который может привести нас в прошлое. Варус Хоторн может показаться спокойным со стороны, но на самом деле он очень нетерпеливый человек. Когда он чего-то хочет, он ненавидит ждать. Подумай только: он послал тебя напрямик в рифты без какой-либо подготовки. А раньше он то же самое проделывал со мной. Если в ледяной пустыне есть хоть какой-то шанс, то он попытается им воспользоваться. Нам нужно исследовать этот район, по крайней мере там, где обстановка более-менее стабильна.

Я посмотрела на Сьюзи. Так вот почему Фагус говорил, что Сьюзи может нам пригодиться. Лед был не чем иным, как замороженной водой. А Сьюзи, хоть кураториум и ослабил ее силы, чувствовала воду по-другому, не так, как мы. И

могла провести нас по местности. Возможно.

– Если я ошибаюсь и она не там, – сказал Бэйл, – то мы подумаем, что делать дальше.

Я посмотрела вниз и сжала губы. Мой взгляд упал на точку отсчета, которая появилась на дисплее моего детектора. У нас было два дня, чтобы убедить Натаниэля не начинать войну. Два дня были коротким сроком, а область, находившаяся под белым пятном на карте, простиралась на расстояние в более чем сотню километров.

Мне оставалось только надеяться, что интуиция Бэйла нас не подведет.

Мир снаружи вихря с шумом проносился мимо. В центре бежали Лука и Фагус, между ними – Сьюзи. В какой-то момент я захотела убедиться в том, что она хорошо перенесла прыжок, но мои опасения были напрасны. В мутантах уже была вихревая энергия, и Сьюзи выглядела так, словно совершала прыжки каждый день. Так что я сконцентрировалась на внешних потоках, через которые двигались мы с Бэйлом.

– Приготовиться! – крикнула я остальным.

Уже через пару секунд мы приблизились к цели. Я чувствовала, как снаружи в вихрь проникает холод – ледяной воздух, который кружил вокруг нас.

И обстановка становилась все хуже и хуже.

Бэйл полностью передал мне управление вихрем, как мы и договаривались, поэтому я приготовилась к приземлению. До этого мне редко приходилось выполнять такую часть работы – мягко выводить из вихря несколько человек, – но сегодня, кажется, все шло как надо.

Вихрь слегка рассеялся, энергии, словно пыль, растворились в воздухе, дав нам возможность лицезреть бесконечную белую даль.

Я повернула вихрь, осмотрелась на последних метрах в поисках места для приземления, но разглядеть что-либо в

кружащем вокруг нас льде было невозможно. Наконец мне показалось, что я увидела ровную поверхность, и остановила вихрь.

Прежде чем вихревые энергии полностью растворились и мои ноги коснулись земли, нас с силой ударил морозный воздух. Мы рассчитывали на это, но все же я покачнулась, когда в меня врезались сильные порывы ветра. Моя коса растрепалась, а глаза наполнились слезами.

Я быстро вытянула маску из воротника своей униформы и натянула ее на лицо. Меня никогда еще так не согревала эта часть амуниции бегуна, даже когда мы использовали ее во время тренировок в кураториуме. Маска, в которой было небольшое окошечко для глаз, обтягивала всю мою голову. Она защищала от холода, в ней даже можно было нырять. Насадка, которая находилась на моих губах, называлась «искусственные жабры», хотя с настоящими жабрами не имела почти ничего общего. Она была мягкой, похожей на резину, кроме одной маленькой детали, в которую была встроена система связи. Мембрана находилась так близко к голове, что туда не могла проникнуть вода. А вот искусственный материал, напротив, представлял из себя смесь из силикона и недавно открытого вида каучука, из которого ученые сделали подобие кожи швиммеров. Он впитывал в себя воду и производил из нее воздух для дыхания в таких больших количествах, что владелец униформы мог находиться под водой на протяжении многих часов.

Это было одно из многих достижений, которыми Великое смешение одарило научный мир. Но не думаю, что люди когда-нибудь поблагодарят за это швиммеров.

Едва маска покрыла мою голову, я услышала звуки своего дыхания внутри мембраны и голос Бэйла по системе связи.

– Это было очень хорошо, – сказал он. Я не могла видеть его лицо из-за защитной маски, но слышала по его голосу, что он улыбался. – Ты становишься все лучше и лучше.

Чувство гордости наполнило меня, потому что я и сама заметила прогресс. Вихрь моментально реагировал на малейшую мысль в моей голове.

Позади меня кто-то застонал, и я обернулась. Сьюзи, Фагус и Лука стояли на коленях.

Все правильно. Мы преодолели многие тысячи километров. И я, конечно же, тоже чувствовала, как сильно напряглось мое тело от нечеловеческих скоростей. Мои мускулы болели, желудок взбунтовался, но в общем я чувствовала себя неплохо. Бэйл как-то сказал мне: постепенно к этому привыкаешь.

Я быстро склонилась над Сьюзи, но здесь не было поводов для беспокойства. Ее черные волосы развевались по ветру, а на губах сияла улыбка. Сьюзи натянула на лицо маску.

– Это было невероятно! – крикнула она в специальную насадку. – Я уже даже не помню, когда в последний раз прыгала сквозь вихрь!

Лука тоже улыбался, хотя при приземлении сильно уда-

рился спиной. В отличие от Фагуса, чьи пальцы дрожали, когда он натягивал маску, Луку холод особо не беспокоил.

– Я должен признаться, это было довольно круто. Я видел, как ты вела вихрь, Элли. Это было гениально.

– Скоро она тебя обгонит, Бэйл, – съязвил Фагус через свой коммуникатор. – Если так продолжится и дальше, то поклонников у нее будет гораздо больше, чем у тебя.

Но Бэйл не обращал на них никакого внимания. Он ушел вперед – всего на два или три метра, но его силуэт уже поглотил летающий в воздухе лед. Я видела, как мерцал огонек над его детектором. Он спроецировал свой дисплей в виде голограммы в воздух.

Остальные тоже поднялись с колен. Когда мы подошли к Бэйлу, он пытался с помощью камеры рассмотреть то, что было вдалеке. Сконцентрировавшись, он двигал руку так, чтобы его детектор смог просканировать местность вокруг.

– Не верится, что мы стоим посреди океана, – произнес Лука, и я с трудом разобрала его слова, потому что на нем еще не было маски. Я показала ему на свои уши. Он закатил глаза и повторил фразу.

Я поняла, что он имеет в виду. Когда между порывами ветра наступало затишье, можно было разглядеть обрывистый, покрытый снегом и льдом ландшафт. Море превратилось в застывшую ледяную пустыню. И неважно, как все это выглядело прежде – холод убил здесь все живое. Кроме свиста ветра не было ни звука, только напряженная тишина.

Прошло несколько минут. Голограмма сильно мерцала. Бэйл наконец прекратил свои движения и вздохнул:

– Ничего не видно.

Меня это не удивило. Ветер вокруг раздувал снег в разные стороны, и мы могли только догадываться, где приземлились. Все вокруг было серым и белым, не проглядывало ни солнце, ни даже небо.

– Вообще-то, исследовательская станция, на которой я тогда останавливался, должна быть где-то здесь, – сказал Бэйл. Растерянность в его голосе можно было слышать даже через коммуникатор, через который все звучало немного неестественно и поэтому не всегда понятно.

Бэйл открыл карту мира, которая автоматически приблизила то место, где мы находились. До начала нашего путешествия он отметил на ней нашу цель, которая действительно совпадала с местом нашего пребывания.

– Хоторн тогда приказал транспортировать сюда станцию для того, чтобы исследовать ледяную пустыню. Поняв, однако, что я никогда не смогу прыгнуть через рифты, он остановил исследования.

– Значит, он увез станцию? – спросил Фагус.

Бэйл вздохнул:

– Вероятно, да.

На этом наша единственная зацепка о том, куда бы могли отправиться Мия и ее команда, улетучилась.

Я огляделась, но ничего не увидела. Везде были только

снег, ветер и лед.

– Давайте пройдем пару метров, может быть, навигационная система во время бури работает неточно. – Бэйл указал прямо в белое пространство. – Будьте осторожны, лед не везде прочный. Лучше, если вы будете держаться вместе.

Мы так и сделали, но каждый шаг был похож на движение между двумя противоположно заряженными магнитными полюсами. Неважно, в какую сторону мы поворачивались, ветер всегда дул нам в лицо и каждый шаг давался нам с трудом. Несмотря на униформу и маску, я ощущала на коже колючий холод. Единственным из нас, кого, как мне показалось, не беспокоили погодные условия, был Лука.

– Он всегда во время ваших вылазок так тормозит? – шепнул он мне, когда мы пробирались сквозь лед, и указал на Бэйла. Его голос в динамике звучал металлически, но даже это не могло скрыть его издевательский тон.

– Будет мило с твоей стороны, если ты хотя бы попытаешься наладить с ним отношения.

Лука показал мне язык, по крайней мере, мне так показалось, когда что-то розовое прижалось изнутри к насадке на его маске.

– В этом процессе всегда участвуют двое. Если бы этот всезнайка перестал высказывать свои умные комментарии, то можно было бы и попробовать.

– А вы в курсе, что все все слышат? – спросил Фагус.

Его голос прозвучал так громко, словно он шел рядом, хо-

тя они с Бэйлом и Сьюзи ушли так далеко, что я едва могла разглядеть их фигуры сквозь бурю.

И тут Бэйл снова остановился. Он снова вынул свой GPS-сенсор, пошел вперед в другом направлении, но через несколько метров опять остановился и покачал головой.

– Исследовательской станции здесь больше нет, Бэйл, – произнес Фагус. – Если кураториум на самом деле здесь, то они, скорее всего, нашли другое место, с которого начнется их миссия. Я думаю, что настало время для Сьюзи.

Я не видела лица Бэйла. Он какое-то время помедлил, прежде чем кивнуть в знак согласия.

Сьюзи присела около него на корточки. Она сняла одну перчатку и положила руку на ледяную поверхность. Несколько секунд она находилась в таком положении, но потом начала дрожать и прижала руку к своему телу.

– Я чувствую движения, но не могу их идентифицировать, – сказала Сьюзи. – Лед слишком толстый.

– Я могу помочь тебе. – Лука склонился к поверхности льда около Сьюзи. – Лучше отойди. Я не хочу причинить тебе боль.

Сьюзи склонила голову набок:

– Ты не сможешь сделать мне больно.

– Чисто теоретически.

– Ну хорошо: *чисто теоретически*. Но ты же этого не сделаешь. – Сьюзи постучала пальцем по груди Лукаса. – Я очень хорошо чувствую людей, Лука Вудроу. Ну же, давай

делай.

Лука тоже снял одну перчатку и повернул руку ладонью вниз, к поверхности льда. Затем сделал глубокий вдох. Несколько минут ничего не происходило, затем у него из-под кожи стали появляться небольшие волнообразные потоки лавы. Сперва они были совсем безобидными, но потом стали сильно накаляться. Постепенно они образовали круг, который прорезал лед. Когда Лука закончил, в разные стороны брызнул огонь, так внезапно, что Сьюзи едва успела отдернуть руку.

– Извини, – сказал Лука, но Сьюзи только отмахнулась. Она провела пальцами около пылающего огня, как если бы хотела согреть их теплом уютного камина.

Наконец Сьюзи опустила руку в образовавшуюся лунку. Когда она снова ее вынула, с ее пальцев стекали маленькие капельки, сначала две, затем пять, десять, пока из кожи не вытекла вся вода.

Я еще ни разу не видела, как она такое проделывает. Сьюзи мне рассказывала, что у нее сохранилась небольшая часть способностей швиммера, но в озере в Санктуме она просто плавала и не применяла свои силы.

Я быстро опустилась на колени рядом с ней.

– Я чувствую равномерные движения. Вода вибрирует. – Сьюзи склонила голову набок и вытянула руку в сторону. – Вибрация идет оттуда.

Там, куда она указала, все было объято ледяным туманом,

но я увидела, как Бэйл сохранил на детекторе это направление.

– Как ты это сделала? – спросил Лука.

– Мы, швиммеры, можем лучше всего управлять своими силами с помощью рук, – объяснила Сьюзи. – По крайней мере, мои родители так меня научили. Кожа на кончиках наших пальцев очень чувствительная. И я таким образом чувствую в воде любое, даже самое малейшее движение. Иногда даже на расстоянии в несколько километров.

Что-то зажужжало. Это Бэйл открыл вихрь посреди снежной метели.

– Ну тогда, – сказал он и протянул руку Сьюзи, – ты пойдешь первой.

Область, в которой мы очутились, не отличалась от той, куда мы приземлились в первый раз. Здесь тоже все было покрыто льдом, и буря обрушилась на нас с точно такой же силой.

Я еще никогда в жизни не чувствовала себя настолько потерянной в пространстве. Неважно, куда мы направлялись – все вокруг выглядело одинаково. Лед, казалось, был бесконечным. Только иногда я ощущала под своими подошвами течение воды, и это чувство напомнило мне о том, что мы вообще-то шли по поверхности океана.

Лука время от времени делал для Сьюзи лунки на поверхности льда, чтобы она могла задать нам новое направление движения. Затем Бэйл или я открывали новый вихрь, и мы продвигались в следующий район ледяной пустыни.

Мое чувство времени словно сошло с ума. Мне казалось, что мы передвигаемся уже несколько дней, но на самом деле это, конечно же, было не так. Единственным, что прерывало однообразие серо-белой пустыни, были возникающие вокруг нас случайные вихри. Они возникали из ничего, несколько минут жужжали сами по себе и снова исчезали.

Поздним вечером я предположила, что скоро нам придется прекратить наши поиски. В темноте было слишком опасно продвигаться сквозь бурю.

Мы стояли на возвышенности, на которую наткнулись полчаса назад. Ветер здесь был не таким жестким, но все вокруг оставалось таким же ледяным, безжалостным и враждебным.

Бэйл просканировал местность – кажется, мы находились на выступах небольшого озера. По данным нашей карты, таких было несколько, потому что мы находились на коралловом острове. Океан здесь был неглубоким. Вероятно, раньше тут везде были коралловые рифы и длинные песчаные дюны, а сегодня об этом можно было догадаться только по тому, как из ледяной пустыни выступали, словно жемчужины на цепочке, отдельные острова.

Лука перевесил свой рюкзак со спины на грудь и дал каждому из нас горстку протеиновых кубиков. Боже, как я их ненавидела. Они отдавали солью, и больше вкуса у них не было, совсем. Разве только при глотании оставалось вязкое послевкусие. Но кубики были питательными, и их можно было быстро съесть и тут же снова натянуть маску, чтобы метель не била по лицу.

– Вы помните буфет в институте кураториума? – спросил Лука, без всякого желания дожевывая на ходу протеиновый кубик. – Стейки, сосиски, картофель фри и крокеты. – Он вздохнул. – А еще десерты: блины, тирамису, фруктовые пудинги и эти маленькие пирожные из слоеного теста, как они там назывались-то...

– Паштел-де-ната, – сказал Бэйл, и Лука сладко просто-

нал.

– Паштел-де-ната, – повторил он, так нежно, словно признавался выпечке в безумной любви. – У наших ног лежал весь мир, а мы этого не знали.

– Мы многого не знали, – тихо произнесла я и снова натянула на лицо маску. – Сюзи, куда сейчас?

Мы шли зигзагами. Никто из нас не хотел этого признавать, но наш маршрут был совершенно бессистемным.

Мы прошли один из коралловых островов, но, прыгнув через последний вызванный Бэйлом вихрь, снова оказались на возвышенности. Поверхность постепенно становилась все круче; мы скользили по льду, сначала вверх, потом немного вниз, словно по горнолыжной трассе, а мои ноги при этом по щиколотку проваливались в снег.

Бэйл покосился на свой детектор. Он явно сомневался, что Сюзи вела нас по верному пути.

Даже сама Сюзи выглядела растерянно. Особенно с тех пор, как серо-белое пространство вокруг нас стало еще темней.

Смеркалось.

Сюзи опустила на колени на ледяную поверхность возле Луки и стянула с головы маску. Ее рука лежала на том месте, где Лука только что растопил лед. Она провела пальцами по ледяному слою, затем опустила их в воду.

– Мы где-то очень близко, – произнесла она спустя несколько секунд.

– Что именно ты чувствуешь? – спросил Фагус и встал рядом с ней.

Сьюзи повернула свое лицо навстречу ветру. Черные волосы, выбившиеся из косы, коснулись ее голубоватой кожи. Потом она подняла руку вверх и приложила два мокрых пальца к губам.

– Вибрация, – повторила она. – Она не особенно сильная, но она и не прекращается.

– И ты уверена, что это не просто движение волн? – спросил Бэйл.

– Я знаю, как ощущаются волны. – В голосе Сьюзи слышалась редкая для нее настойчивость. – Это нечто другое. Это исходит от людей, я уверена!

Бэйл тоже стянул маску с лица. Его темные волосы были приглажены, глаза выглядели уставшими.

– Мы прыгаем туда-сюда, Сьюзи. Это ни к чему не приведет.

– Ты настоящий паршивец, Треверс, – прошипел Лука. – Если она уверена в том, что делает, то мы продолжим поиски.

Я заметила, что Бэйл сдерживался, чтобы не начать спорить с Лукой. Он наклонил голову набок.

– Я могу отправить тебя с вихрем обратно в Санктум, и ты это знаешь, верно?

– А я могу одним щелчком пальцев сделать тебя лысым, – сказал Лука.

Огонь в его руке становился ярче. Тонкие красные потоки прорезались сквозь лед и разделялись, словно сетка из корней.

– Лука! – предупредила я его, но было уже поздно. В тот же самый момент поверхность ушла у нас из-под ног. – Что?

Лука замахал руками и тут же упал на спину. Следующими были Сьюзи и я, да и Бэйл тоже не смог долго удерживаться на ногах. Лед треснул, разошелся в стороны и вместе с нами накренился. Ледяные кристаллы были такими острыми, что раздирали мою униформу. Я заставила себя открыть глаза и вздрогнула, когда Фагус вдруг выпустил из своих пальцев корни так, что его пальцы и предплечья исчезли из вида.

– Хватайтесь! – крикнул он. Его корни, словно ветки баобаба, разрослись в разные стороны, так что каждый из нас смог ухватиться за них, чтобы не упасть еще ниже.

И все-таки земля продолжала уходить вниз, едва мы пытались изменить положение ног.

– И что сейчас? – крикнул Фагус в сторону Бэйла.

Тот, держась одной рукой за ветки Фагуса, поднял свой детектор и медленно вытянул в сторону другую руку, чтобы зафиксировать компас в горизонтальном положении. Он посмотрел вверх, затем сжал руку в кулак, и прямо под Сьюзи появился вихрь.

– Отпускай!

– Ты серьезно? – крикнул Лука. – А что, если она пролетит

мимо?

Однако Сьюзи не колебалась ни секунды. Она отцепилась от ветки Фагуса, которая уже угрожающе трещала, ее на какой-то момент занесло в сторону, но затем она соскользнула в вихрь и исчезла.

Тут же перед Бэйлом возник новый вихрь. Луке оставалось только закатить глаза и тоже прыгнуть в вихрь.

– Ты готова? – крикнул мне Бэйл. Я кивнула и унеслась вместе с его вихрем. Когда я снова выпрыгнула, рев и свист ветра неожиданно стихли. Лука и Сьюзи стояли рядом, и Сьюзи внезапно упала в мои объятия. За нами из своего вихря выпрыгнули Бэйл и Фагус.

Лука тут же схватил Бэйла за воротник его униформы. – Не смей никогда больше так делать, ты понял? Ты чуть не уничтожил нас всех! – Лука слегка побледнел. Однако блеск в его карих глазах никуда не исчез. – Я только хотел, чтобы ты ей доверял.

– Я доверяю! – Бэйл сделал громкий вдох и выдох – я давно не видела его в таком гневном состоянии. – Но продолжать поиски сейчас слишком опасно.

– А может, это просто ты ошибся! – Лука оттолкнул Бэйла. – Ты не думал об этом? Может, они вообще в каком-нибудь другом месте? Где угодно, но только не здесь!

– Но они должны быть здесь!

Бэйл отмахнулся от Луки и в отчаянии швырнул свою маску на землю. Он снова что-то вызвал на своем детекторе

– на этот раз это была карта времени.

– Нет никакого другого пути, через который можно попасть в прошлое. Даже если бы Хоторн захотел воспользоваться моим старым маршрутом, им понадобилось бы как минимум три новых рифта, которые ведут в две тысячи семьдесят пятый год. А их больше не существует!

– Так, хватит! – крикнул Фагус, и я удивилась тому, как твердо звучал его голос. – У нас еще, – он постучал по детектору Бэйла, вызывая показатель обратного отсчета нашего путешествия, – сорок восемь часов. Мы отдохнем в надежном месте, а завтра продолжим поиски. Если где-то здесь есть люди, мы их отыщем.

Бэйл провел рукой по волосам, которые выглядели заледеневшими.

Кстати говоря, а почему было так тихо? Я повернулась вокруг своей оси.

Вихрь Бэйла перенес нас, кажется, на очередной остров, на его самую высокую точку, потому что буря находилась где-то под нами. Поверхность, на которой мы стояли, переходила в резкий обрыв, превращающийся в бесконечную белую равнину из льда. Полосы ветра лежали внизу словно одеяло из тумана над морем.

Я впервые смогла осмотреть атолл сверху. Можно было лишь смутно различить цепь островов в виде полумесяца, но вот вершины выступали из нее гораздо отчетливей. Это были пять небольших островов и еще один, который, как мне

показалось, был гораздо большего размера. Все они были покрыты льдом и снегом.

– Эй, смотрите!

Фагус прошел вперед на несколько метров и стоял, показывая куда-то вдаль. Один из его пальцев превратился в отросток корня. Я подошла к нему и прищурилась, чтобы разглядеть то, на что он показывал. И только когда в облаках появилось небольшое прояснение и сквозь него блеснуло заходящее солнце, я увидела.

Между островами, которые выглядывали из тумана, в небе возвышалось что-то огромное. Это было похоже на ужасный торнадо, в котором бушевала нескончаемая снежная метель. Клубы снега были такими белыми и плотными, что невозможно было разобрать, что скрывалось под ними.

Потрясенная, я оглядела это образование. Диаметр ледяной торнадо был примерно в несколько километров. Его размеры были невероятными.

Так вот как выглядело самое опасное место в мире, о котором рассказывал Бэйл. И, возможно, это был единственный путь, который мог привести нас в прошлое.

Несмотря на то, что мы находились от торнадо на достаточно большом расстоянии, с его стороны до нас доносился треск. Он, словно магнит, притягивал меня к себе, проникая глубоко в клетки моей кожи даже сквозь униформу. Мне был знаком этот звук, я *знала* это ощущение, потому что чувствовала его на своей коже раньше. Один раз в Новом

Лондоне, на развалинах церкви, и еще раз возле водопада в Перу. Оба раза это ощущение нежно окутывало меня, мои ноги и руки, не требуя ничего, а, скорее... *подчиняясь* мне.

– Это что? – спросил Лука, подходя ближе.

– Это рифты, – прошептала я и непроизвольно сделала шаг вперед.

Лука посмотрел на меня так, словно я сошла с ума, затем нахмурил лоб:

– В смысле? Все это?

– Они находятся в воде подо льдом, – пояснил Бэйл. – Благодаря близкому расположению они делают друг друга сильнее. Своего рода спираль выталкивает их общую энергию наверх. Поэтому рифты постоянно активны. Они крепко держатся за это место, и каждый раз, когда какой-нибудь рифт близок к тому, чтобы закрыться, тут же открывается другой.

– Эффект домино, – пробормотал Лука. – А как все выглядит изнутри?

– Все природные законы внутри не действуют. Лед разрастается, внезапно становится горячим, как кипящая вода... и вы не понимаете, что происходит вокруг – пока не становится поздно. Это – зона смерти.

– И Хоторн заставлял тебя так рисковать? – ошеломленно спросила я.

На мгновение глаза Бэйла показались мне совершенно пустыми, словно он уцепился за какое-то воспоминание. Затем он кивнул.

– Так, значит, это его грандиозный план? – спросил Фагус. – И он хочет послать туда своих бегунов... чтобы они прыгнули через рифты в прошлое?

– И что же случится, если у них это получится? – спросила я. – Если рифты всегда будут на этом месте, то приземлиться сюда снова будет невозможно?

Бэйл кивнул:

– Да. В самом худшем случае только посередине ледяной бури. Но если правильно подготовиться, можно попасть невероятно далеко в прошлое. По крайней мере, чисто теоретически.

Я словно замороженная смотрела на ледяную спираль, которая ввинчивалась в небо. Никогда прежде я не видела ничего более впечатляющего. Рифты, должно быть, уходили далеко вниз под воду, извиваясь вокруг друг друга, и их было очень много – в этом Бэйл был прав. Я чувствовала их присутствие, чувствовала, как они заставляли природу сходить с ума. Они бесконечно подпитывали друг друга и вихрем сметали лед с земли в небо.

Как Хоторн мог всерьез предполагать, что туда можно послать бегунов?

– Лодки.

Я почти не слышала Сьюзи, так тихо она говорила. Но когда она повторила это слово – на этот раз громче, – мы все повернулись к ней. Она стояла немного в стороне и указывала вниз на ледяную гладь.

– Это лодки.

Действительно. Их было полдюжины. Они приближались с разных сторон. Какие-то были еще далеко, но все они направлялись прямо к нам.

Одна из лодок проскользнула по льду совсем недалеко от острова, на котором мы находились. Она была немногим больше транспортеров, передвигающихся на магнитных подвесках на железных дорогах Нового Лондона. Но при этом ее носовая часть прорезала замерзшую воду, без особого усилия дробила слои льда, пока они не сдвигались в сторону, чтобы лодка могла продвигаться дальше.

Я подняла свой детектор в воздух и направила камеру на лодку, чтобы увеличить изображение. Сбоку на лодке был виден знак *Convectum*. Символ кураториума.

– Это лодки-разведчики. – Бэйл словно громом пораженный смотрел на Сьюзи. – Это и есть та постоянная вибрация, которую ты чувствовала. Это были лодочные моторы.

Сьюзи просто улыбнулась ему в ответ. В ее взгляде не было ни малейшей доли злорадства, только облегчение.

– Да. И все указывает на то, что у них одна и та же цель.

Это было так. В свете сумерек было видно, что все лодки направлялись к одной точке. То обстоятельство, что они двигались с разных сторон, возможно, и смутило Сьюзи. Поэтому она вела нас зигзагами, каждый раз изменяя направление.

Я направила камеру к тому месту, где должны были встре-

титься лодки при сохранении своего курса, и увеличила изображение. Неожиданно я наткнулась на силуэт, который не могла распознать невооруженным глазом. Согласно детектору, этот предмет находился недалеко от ледяного торнадо вблизи самого большого острова.

Это был крейсер. Огромный корабль.

Мы могли видеть только контуры, но все уже догадывались, что это было.

Мы нашли то, что искали.

Ночь прошла ужасно. Хоть мы и расположились на ночевку в относительно защищенной впадине в горе острова, ветер не прекращал хлестать по полотнищам нашей палатки, а снизу сквозь термоодеяла к нам пробирался холод. Во время моей учебы наши учителя много раз заставляли нас проходить симуляции, при которых мы находились в ужасных погодных условиях – ледяной холод в Гималаях, невыносимая жара в пустыне Гоби, – но никакая симуляция не могла сравниться с действительностью.

Мне хотелось унести с помощью вихря обратно в Санк-тум хотя бы на эту ночь, но мы не могли рисковать и потерять из вида крейсер кураториума.

Между тем буря усилилась настолько, что Фагусу пришлось укреплять нашу палатку отростками корней. А Лука время от времени поднимал руки, пока вокруг его пальцев не появлялось небольшое пламя, которое хоть немного согревало нас.

В палатке мы все лежали рядом. Никто из нас по-настоящему не спал, но все пытались не падать духом и не думать о том, что принесет нам завтрашний день.

Мы пришли сюда с определенной целью, хоть я ее и не хотела признавать: эта цель находилась от нас в непосредственной близости.

Пока мы устанавливали палатку, Бэйл и Лука снова поспорили. Лука хотел тут же прыгнуть с помощью вихря на остров, у берега которого пришвартовался крейсер. С трудом нам удалось уговорить его подождать до завтра. Приближение к кураториуму, где бы он ни находился – в здании или на корабле, – потребовало бы всего нашего внимания. Если бы нас обнаружил хоть один дрон или хотя бы одна камера поймала нас на снимке, весь эффект неожиданности пошел бы насмарку. Даже Лука должен был с этим согласиться.

Что, конечно же, совсем не означало, что он был доволен этим решением.

– И почему вообще она? – тихо спросил он меня ночью. – Почему именно Мия Ланкастер стала бегуном во времени? Она же самая последняя тварь.

– Не думаю, что это играет какую-то роль, – прошептала я ему в ответ.

– А что играет роль? – Красно-карие глаза Луки вспыхнули в темноте. – Откуда у вас вдруг возникла эта способность?

Этот вопрос я задавала себе тысячу раз, но даже сейчас не могла найти на него ответ. Я не знала, почему я могла контролировать вихри. Или Бэйл. А теперь еще и Мия.

Она, конечно, всегда была хорошей кандидаткой, одной из самых тщеславных на нашем курсе, но все равно только Бэйл и я могли проводить вихри через время.

Когда я два месяца назад смогла взорвать рифт в Перу, Мию, Тревора и Хольдена с такой силой ударила энергия, что

их выбросило из вихря. До сегодняшнего дня я думала, что все трое погибли – из-за меня. Но Мия и Тревор выжили. И неважно, что случилось с Мией тогда в рифте, это разбудило в ней способности, прежде ей не присущие.

– Мы должны довести дело до конца, – сказал мне Лука, словно догадывался о сомнениях, которые удавкой сдавили мне горло. От его слов руки у меня покрылись мурашками.

Лука был моим лучшим другом. Он был мне как брат. И раньше я могла рассказать ему *все*. Но сейчас я не произнесла ни слова.

И все-таки я отказывалась думать о том, что ему не составит большого труда убить Мию. Конечно, после того, как врачи в кураториуме установили, что он был наполовину цюндером, Мия принимала его за последний кусок дерьма. И мы с ним много раз представляли, что было бы, если бы он поджег ее волосы. Но чтобы ненавидеть – нет, такого никогда не было.

Лукас никогда никого не ненавидел.

Утром счетчик времени на моем детекторе сообщил мне, что осталось двадцать девять часов. Это уже даже не два дня, по истечении которых мы должны были связаться с Натаниэлем.

Мы убрали палатку, что далось нам непросто, так как мы очень устали. Пока мы заставляли себя хоть что-нибудь съесть на завтрак, Сьюзи полностью зарядила свой дыхатель-

ный аппарат, чтобы весь день быть во всеоружии.

Наконец мы собрались на плато, на которое вчера приземлились, направили наши камеры вниз на корабль и увеличили изображение. Он все еще стоял возле самого большого острова. С нашей позиции нельзя было разглядеть, была ли это естественная или благоустроенная пристань, однако мы увидели контейнеры, которые выстроились вдоль линии берега. Они явно были новыми и, судя по стенкам из алюминия, не предназначались для долгого хранения. Я догадалась, что кураториум перенес на материк либо часть исследовательского оборудования, либо жилье для экипажа корабля.

Мы решили прыгнуть на остров, но подальше от контейнеров, чтобы не подвергать себя опасности быть замеченными. Таким образом, правда, мы были в опасной близости от ледяного торнадо, потому что он достигал выступов острова, но мы вынуждены были пойти на этот риск.

Когда упала в вихревой поток, меня вновь одолело нехорошее чувство, которое я испытывала ночью. Я увидела оружие на ремне у Бэйла и тут же ощутила свое собственное у себя на бедре.

Мы должны это сделать. Иначе будет война.

Я снова и снова повторяла про себя эти слова.

Часть острова, на которую мы приземлились, раньше была застроена. Улицы окаймляли руины домов, которые хоть и

были разрушены холодом, все же напоминали о том, что до Великого смещения здесь была какая-то инфраструктура.

Мы приблизились к временному лагерю, перед которым пришвартовался корабль кураториума. Торнадо теперь находился южнее нас, и его ветер, завывая, хлестал нас прямо в лицо. Вряд ли при такой погоде дроны могли оставаться в воздухе. И все же, Бэйл был прав. Мы не могли рисковать. Нашим единственным преимуществом было то, что нас никто не ожидал увидеть.

Между тем, мы снова оказались на уровне моря. Лед здесь был таким толстым, что мы не могли понять, была ли под нами земля или вода. Ориентироваться мы могли только по руинам зданий.

Ветер был настолько сильным, что мы словно толкали перед собой невидимую стену. Сначала мы использовали вихри, чтобы продвигаться вперед, но, приблизившись к кораблю, отказались от них.

Мы бесконечно долго крались по берегу острова между заброшенными домами и засохшими кустарниками и стволами деревьев. Слева от нас возникли разрушенные деревянные хижины.

Они были выстроены в ряд. Их крыши провалились, а лестницы, ведущие в дома, пришли в негодность. Некоторые из них стояли на деревянных сваях, которые едва держались надо льдом. Некоторые дома соединяли мостики, наполовину развалившиеся из-за непогоды.

– Это не похоже на остальные развалины, – сказала Сюзи. – Те выглядели намного современной.

Лука пожал плечами:

– Раньше люди платили много денег за то, чтобы проводить свободное время как можно более примитивней.

– Ты думаешь, это были пляжные домики? – спросил Фагус.

– Они назывались бунгало и принадлежали гостиницам, – ответил Лука. Мы удивленно посмотрели на него, и он взмахнул руками. – Что? Я неплохо знаю историю! На этом острове люди могли проводить свои отпуска.

Мы продолжили путь вдоль разбитой асфальтовой дороги, которая шла параллельно берегу, пока в поле нашего зрения не появился корабль кураториума. О пристани здесь, конечно, говорить не приходилось; судно просто пришвартовалось в ледяном море в нескольких сотнях метров от водруженных друг на друга контейнеров.

У него был черный блестящий корпус, над которым возвышались многочисленные белые палубы, и надстройка, уходящая более чем на сотню метров в небо. На стороне, повернутой к нам, блестел символ *Convectum*. – И что мы будем делать, когда окажемся там? – Фагус указал на крейсер, на котором – по крайней мере, с нашей позиции, – не было заметно ни единого признака жизни. Как, впрочем, и возле контейнеров на берегу. – Мы даже не можем с уверенностью сказать, что она там. А даже если и там, то мы не сможем

разбить тут лагерь и ждать, пока она выйдет оттуда.

– Нет, – произнес Бэйл задумчиво. – Не можем.

– А если вы направите туда вихрь? – спросила Сьюзи.

Лука улыбнулся ей, но покачал головой:

– Все корабли кураториума сверху донизу напичканы гравитационными сенсорами. Они боятся, что может возникнуть вихрь и повредить корпус корабля. Так что этот трюк не пройдет.

Бэйл наморщил лоб, а затем перевел свой взгляд с корабля на контейнеры.

– Сначала мы займемся лагерем, – произнес он и махнул рукой, чтобы мы двигались дальше.

Нам повезло. Временная пристань с контейнерами находилась за следующим рядом заброшенных домов, которые неплохо прикрывали наше приближение.

Издали лагерь выглядел пустынным, но из нашего укрытия за одним из двухэтажных зданий мы слышали голоса и увидели несколько десятков патрулирующих местность мужчин и женщин в униформах. В руках у них было оружие – и стволы этого оружия светились оранжевым.

Значит, они тоже были заряжены нулевыми сенсорами, как и у бегунов, напавших на «The Merge». Неужели кураториум оснащал всех своих людей запрещенными сенсорами?

Мы просканировали местность детекторами. Здесь было двенадцать контейнеров, которые стояли в три ряда. Только

вот посмотреть, что творилось внутри них, мы не могли.

– Довольно много охранников, – пробормотал Лука. Я кивнула в ответ.

Мне тоже бросилось в глаза, что меры по охране парочки временных исследовательских сооружений были слишком высокими. Но от дронов они, кажется, действительно отказались.

Мы прождали пять, десять, пятнадцать минут, но ничего не происходило. Мы видели лишь патрули, прохаживающиеся туда-сюда.

– Я бы очень хотел, чтобы они активировали профиль Гилберта. – Голос Луки в маске, как и прежде, звучал металлически, но я услышала в нем тоску. – Тогда я мог бы внедриться в их систему связи. И мы узнали бы, о чем они говорят.

– У тебя есть доступ к профилю главного штурмана? – Фагус явно впечатлился новостью. – А почему ты мне никогда об этом не рассказывал?

– Потому что сейчас от этого нет никакой пользы. – Лука вздохнул. – Так-то у меня есть много классных игрушек, но даже с ними я попал в одиночную камеру.

Фагус склонился над Лукой, положив ему на плечо локоть:

– Дать тебе платочек, Рыжий?

Лука его оттолкнул:

– Заткнись, Зеленый. Иначе сейчас получишь.

Я услышала тихий смех Сьюзи и закатила глаза.

И тут что-то грохнуло. Рядом со мной сильно вздрогнул Фагус, но это был не выстрел, а всего лишь закрывшаяся дверь.

Перед контейнером показалась изящная фигурка. Ее покачивало, она зажимала свой рот рукой, а за ней спешили несколько людей в униформе.

У фигуры были платиновые, аккуратно подстриженные волосы, она была одета в золотистого цвета униформу и сапоги со сверкающими камнями.

Я не верила своим глазам. Это и вправду была Мия.

Мы нашли ее.

– Отстаньте! Оставьте меня в покое! – крикнула она людям в униформах.

Это были штурманы, которые отчаянно жестикулировали руками, и пять вихревых бегунов, которые тут же окружили Мию.

На троих бегунах были такие же как у нас маски для защиты от холода, двое были без масок.

Одного из них я тут же узнала: это был Тревор Оглби. И женщину, стоявшую около него, я тоже узнала. Я никогда не встречалась с ней лично, но ее имя было известно каждому кандидату.

Эйприл Викандер, квота по поимке сплитов – 83,23 %, третье место в мировом рейтинге вихревых бегунов. Викандер была настоящей знаменитостью. Черные волосы, высо-

кий рост и спортивное телосложение – точно такое же, как у остальных трех бегунов в масках, стоявших рядом с ней. Это были еще одна женщина и двое мужчин. Один из них был настоящим великаном, на две головы выше всех остальных. Я закатила глаза, увидев, что парень нарисовал себе на маске две белые полосы.

В качестве боевой раскраски.

Вторая женщина-бегун ростом была ему по грудь, хотя и выглядела натренированной. На ней были красные сапоги, которые выделялись в этой унылой обстановке. Еще один бегун был так же жилистым и спортивным. Единственным, что в нем бросалось в глаза, был широкий пояс с разными принадлежностями, застегнутый поперек груди. Он был как раз тем, кто схватил Мию за руку. Оба горячо о чем-то спорили, пока Мия не вырвалась. Она бросилась бежать между контейнерами, пытаясь по пути открыть вихрь, но энергии ей явно не хватало. Наконец она сдалась и исчезла за одним из контейнеров.

Остальные бегуны собрались в круг, склонили свои головы и о чем-то живо дискутировали. Эти пятеро были, вероятно, своего рода охраной, приставленной к Мии. Конечно, Хоторн не послал бы ее и Тревора в этот ледяной торнадо одних. И он явно выбрал самых лучших вихревых бегунов, которые были в кураториуме, – Эйприл Викандер была тому доказательством. Остальные, без сомнения, тоже относились к самым лучшим... и если мы хотели подобраться к Мии, то

должны были справиться с каждым из них.

Из контейнера вышел еще один мужчина. На нем было тонкое пуховое зимнее пальто, у него были светлые волосы. Он показался мне знакомым, но на первый взгляд я его не узнала.

Он что-то сказал бегунам. Они немного поспорили, затем он отделился от группы и направился вслед за Мией.

– Идите за мной, – произнес Бэйл и отошел от стены, за которой мы прятались. Мы согнулись и последовали за ним в направлении полуразрушенной лестницы, ведущей на верхний этаж здания. На втором этаже мы смогли спрятаться у того, что когда-то было окном, и без проблем разглядеть обратную сторону контейнера, за которым исчезла Мия.

Она стояла на четвереньках, прижав обе руки к каменной поверхности, и ее рвало. Ее тело дрожало, она задыхалась.

Лука схватил Бэйла за плечо:

– Ты знал? Ты знал, что она будет здесь?

– Не точно, – тихо ответил Бэйл. – Но я думал, что Хоторн будет требовать от нее как можно чаще тренировать вихревые прыжки. И ты сам только что сказал: она не может делать это на корабле. Со всеми этими сенсорами.

Вероятно, это и было причиной состояния Мии, подумала я. Постоянные тренировки добились ее.

Мужчина в костюме стоял перед Мией, скрестив руки на груди. И тут я вспомнила, кто это. Мистер Ланкастер, отец

Мии. Последний раз я видела его на празднике победителей в Новом Лондоне.

Мия с трудом выпрямилась и достала из кармана униформы платок, чтобы вытереть рот.

– Да соберись же ты, наконец! – прорычал мистер Ланкастер.

Ветер дул ему в спину, так что его резкие слова доносились до нас ясно и четко.

– Если ты еще раз начнешь рыдать в присутствии всех этих людей, то нас с тобой примут за абсолютно неспособных. Ты должна отнестись к этому очень серьезно! – Пожалуйста, папа, не заставляй меня. – Голос Мии дрожал. Мистер Ланкастер схватил ее за плечи и прижал к стене контейнера, и она завизжала.

– Ты будешь делать то, что прикажет тебе верховный глава, Мия. Ты слышишь меня?

– Но его план – это полное безумие! – Она всхлипнула. – Это слишком сложно. Я едва могу управлять вихрями, а окно времени слишком короткое, чтобы добраться до рифтов. Я завтра просто умру!

– Ты не умрешь, – сказал отец Мии. – И не смей хоть кому-нибудь высказать свое сомнение. Мистер Хоторн удостоил тебя большой чести. Он дарит тебе свое доверие, хотя ты его до сих пор не заслужила. И он предоставил в твое распоряжение самых лучших бегунов. Так прояви хоть каплю уважения!

Мия начала рыдать. Я вздрогнула от ужаса: отец тут же влепил ей пощечину.

– Я сказал тебе, соберись! Речь идет о нашей семье. Представь себе, какое влияние мы получим, если тебе все удастся. Или ты не хочешь, чтобы тебе удалось, Мия?

– Х-хочу, папа, – выдавила из себя Мия, и я удивилась, насколько мне было жаль ее.

Я всегда думала, что родители ее только балуют. Раньше это наверняка было так, но сейчас...

Моя мысль резко оборвалась. Лука и Бэйл одновременно схватились за сенсорное оружие. На меня словно вылили ушат холодной воды. Ну конечно, это была великолепная возможность вырубить Мию. Она и ее отец были абсолютно беззащитны. Вихревые бегуны не могли видеть их отсюда. Если бы они услышали выстрелы, то не успели бы ничего сделать.

Сердцем я понимала, что когда-нибудь этот момент наступит, но сейчас все во мне сжалось.

Бэйл и Лука выставили свое оружие в оконное отверстие. Если Мия и ее отец повернутся, то без проблем увидят нас. Но если они этого не сделают...

Мое тело среагировало раньше, чем я смогла подумать. Я вскочила перед Бэйлом и Лукой и положила ладони на их руки, прежде чем они сумели зарядить оружие.

– Подождите. *Пожалуйста.*

Через отверстие маски я увидела, как Бэйл зафиксировал

на мне свой взгляд. Он, кажется, был совсем не удивлен.

– Мы делаем только то, зачем сюда пришли.

– Должен быть другой выход. Мы не убийцы. – Я пристально посмотрела на Бэйла. – И ты тоже.

– Ты серьезно? – прорычал Лука. Он оттащил меня в сторону, подальше от оконного проема. – Пока Мия жива, мы в опасности, – сказал он настойчиво. – *Мутанты* в опасности!

– И все-таки должна быть какая-то альтернатива хладнокровному убийству человека!

– Человека, который хочет уничтожить всех мутантов в мире!

Сьюзи встала рядом со мной. На мгновение я испугалась, что она отодвинет меня в сторону, но она положила ладонь на руку Луки.

– Не может быть никаких или-или, – произнесла она. – Элли права. Мы попробуем избежать и того, и другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.